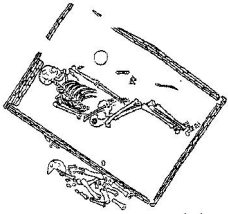

Литвиненко Р.А.

ДНЕПРО-ДОНСКАЯ БАБИНСКАЯ КУЛЬТУРА (источники, ареал, погребальный обряд)

В настоящей статье обосновывается выделение Днепро-Донской бабинской культуры, входящей в качестве составной части в культурный круг Бабино¹.

С учетом современного уровня исследований проблематики бронзового века, почти ни у кого не вызывает сомнения то обстоятельство, что археологический феномен Бабино в таксономическом отношении представляет собой явление надкультурного порядка. Применительно к нему различными авторами предлагалось использовать дефиниции "культурно-историческая общность многоваликовой керамики" [Черняков, 1996, с. 60-61; Проблемы изучения ..., 1998; Колотухин, Тощев, 2000, с. 220-221], "общность многоваликовой керамики" или "общность культур многоваликовой керамики" [Черняков, Тощев, 1985, с. 28; Берестнев, 2001, с. 60-72; 2001а], "культурная общность" [Литвиненко, 2001а, с. 169], "культурный круг" или "круг культур" Бабино [Литвиненко, 2003, с. 145; 2003а, с. 41-42]. Пока можно расценивать все эти подходы как предварительные, ибо определение культурно-таксономического статуса Бабино требует всесторонней многоуровневой проработки источников с привлечением традиционных и новых методов исследования.

Уже в конце 70-х годов прошедшего века, подводя итог почти двадцатилетнему периоду исследования культуры многоваликовой керамики (КМК), С.С. Березанская отмечала ее неоднородность и выделяла четыре локальных варианта [Березанская, 1979, с. 4]. Позднее исследовательницей была дана развернутая характеристика этих вариантов [Березанская, 1986], которую можно считать первой и пока единственной попыткой внутреннего членения массива памятников типа Бабино III.

Разумеется, наработки двадцатилетней давности уже не могут удовлетворять современным исследовательским задачам, а потому выносят на повестку дня необходимость всесторонней характеристики региональных групп Бабино с перспективой их сравнительного анализа и последующей культурно-исторической оценки полученных результатов. Одним из шагов в указанном направлении предлагаем считать настоящую работу, целью которой является характеристика и обоснование выделения одного из территориальных (территориально-хронологических) образований, занимающего ключевое место в системе памятников круга Бабино – Днепро-Донской бабинской культуры.

Источники.

При изучении Днепро-Донской бабинской культуры, как, впрочем, и остальных региональных групп Бабино, основным источником являются материалы могильников, в меньшей степени – поселений. С этой же территории происходят несколько кладов, которые нередко причисляют к бабинской культуре. Однако проблематичность культурной атрибуции этих находок вынуждает нас отказаться от непосредственного их использования при характеристике и оценке интересующей нас региональной группы Бабино, а если и привлекать в культурно-хронологических сопоставлениях, то очень осторожно и критично.

Базовым источником при нынешнем уровне археологической исследованности древностей Бабино, безусловно, выступают погребальные памятники. Подавляющий их массив

¹ Учитывая значительный объем предполагаемой печатной работы, мы решили представить ее в виде нескольких самостоятельных, хотя и подчиненных общей цели, частей. Настоящей статьей открывается ряд запланированных публикаций.

происходит из курганных могильников. В количественном отношении этот фонд может быть оценен следующим образом. Комплексы Днепро-Донской бабинской культуры встречены в 555 курганных могильниках (включая одиночные курганы). Происходят они из 847 курганных насыпей. Общая численность известных нам погребений составляет 1069 комплексов. С учетом различной степени сохранности памятников, а также качества раскопок и уровня их документированности, информативность этих источников далеко не одинакова, а потому в дальнейшем при осуществлении тех или иных статистических подсчетов использовались несколько меньшие выборки, впрочем, достаточно представительные. В целом можно констатировать, что наиболее полноценную и многочисленную часть источниковой базы составляют материалы новостроечных исследований 70-90-х годов XX в.

Наряду с курганными, известны и бескурганные (грунтовые) захоронения бабинской культуры. Количественно они значительно уступают первым. По нашим данным, к Днепро-Донской группе Бабино можно отнести 10 памятников, насчитывающих 18 погребальных комплексов. В большинстве случаев, выявленные бабинские захоронения находились в составе разнокультурных плоских могильников.

Источниковедческий анализ погребальных памятников был бы неполным, если бы мы упустили такой немаловажный аспект, как степень исследованности и извлеченности информации из имеющихся в распоряжении исследователей корпуса источников. На эту тему можно было бы говорить достаточно долго и пространно. Однако мы ограничимся лишь некоторыми общими констатирующими замечаниями, поскольку в достаточной мере осознаем то непреложное обстоятельство, что как методика археологических раскопок, так и степень дополнительной обработки полученных материалов специалистами-естественниками, во все времена зависела не только от принятых на тот момент методик и требований ведения археологических исследований, но также от объективной обеспеченности выполнения этих норм, от субъективных качеств археологов, а также некоторых других факторов и обстоятельств. Тем не менее, применительно к памятникам Днепро-Донской группы Бабино, можно отметить, что из традиционного сегодня перечня направлений так называемых комплексных исследований они лишь на четверть (24%) обеспечены антропологическими определениями пола и возраста умерших, в значительно меньшей степени – археозоологическими определениями костных останков из могильников, единичными спектральными определениями химического состава металлических изделий, абсолютно не обеспечены датами по C^{14} и какими-либо другими анализами, ставшими столь модными, хотя и по-прежнему труднодоступными, за последнее десятилетие-полтора².

По сравнению с курганными могильниками, **поселения** Днепро-Донской бабинской культуры исследованы значительно хуже. Определить их общее количество значительно сложнее, ибо, в отличие от погребений (с их диагностирующими могильными сооружениями, обрядом и инвентарем), бытовые памятники пока остаются не дифференцируемыми в рамках культурного круга Бабино, а потому обычно относятся к бабинской культуре в целом, без уточнения локальной принадлежности, как, впрочем, и хронологического положения того или иного бытового комплекса. По этой причине при подсчете поселений просто учитывались те памятники, которые расположены в пределах ареала, очерчиваемого на основании могильников Днепро-Донской бабинской группы. Таких поселений нами учтено около 270 пунктов. Подавляющая часть из них (около 82%) известна лишь по данным разведок. Приблизительно на полусотне памятников проводились различных масштабов раскопки³. Среди поселений, давших сравнительно представительные коллекции материалов бабинской культуры, следует назвать Бабино III на Днепре, Ильичевку, Казачью Пристань и Капитаново I – в бассейне Северского Донца, Раздольное на Кальмиусе, Ливенцовку I на Дону. Большинство

² В отличие от других курганных культур энеолита–бронзового века Восточной Европы, для некоторых из которых радиоуглеродные даты сегодня исчисляются уже многими десятками [Черных и др., 2000; и др.], на древности круга Бабино в целом приходится всего лишь около десятка дат по C^{14} . При этом все они связаны с памятниками западной, Днепро-Прутской, области, а точнее правобережного Среднего Поднепровья и Северо-Западного Причерноморья [Klokchko, 1999; Szymt, Chernyakov, 1999; Иванова и др., 2005, с.162-163].

³ В это количество включены и те исследованные раскопками памятники, на которых встречены лишь незначительные свидетельства бабинской культуры, представлявшие т.н. сопутствующий материал на фоне основного инокультурного.

известных поселенческих памятников являются многослойными (точнее поликультурными), а потому происходящий с них бабинский материал, как правило, выделяется лишь типологически, а не стратиграфически. Поскольку среди бабинских свидетельств на бытовых памятниках легче всего диагностируется керамика, остальные находки (изделия из камня, кости, металла, остеологические коллекции и прочее), к сожалению, часто остаются культурно не дифференцируемыми и выпадают из анализа. Впрочем, применительно к поселенческим памятникам бассейна Северского Донца и прилегающих районов Левобережной украинской лесостепи, существует проблема идентификации даже бабинской керамики, поскольку она очень сходна с керамическими сериями харьковско-воронежской (среднедонской) катакомбной культуры, поздний этап которой характеризуется активным использованием многоваликовых композиций в орнаментации посуды [Берестнев, 2001, с. 66; Литвиненко 2001, с. 23; Санжаров, 2000, с. 72, рис.1; и др.]. В связи с этим обстоятельством особое значение приобретают комплексы таких поселений, которые дают чистые, то есть не смешанные, коллекции бабинской культуры. Среди них, кроме эпонимного памятника, следует выделить Ливенцовку I, Казачью Пристань и пос. Овощеводов на о. Хортица [Братченко 1969; Козачек 1991; Литвиненко 2003]. Нельзя также недооценивать те многослойные бытовые памятники, на которых достоверно отсутствуют какие-либо катакомбные материалы при наличии представительных бабинских коллекций, как, например, на Ильичевке [Шаповалов, 1983, с. 34, 38-45, рис. 6-9].

Исходя из выше сказанного, следует признать, что в исследовании бабинской культуры на сегодняшний день в качестве базового источника объективно выступают материалы могильников. Благодаря своей лучшей изученности, массовости, культурно-хронологической дифференцированности, они могут служить основой для всестороннего анализа с применением различных методик (сравнительной стратиграфии, математической статистики, корреляции, картографирования и др.). Поселенческие же источники при этом пока играют роль вспомогательных, приобретая особое значение в тех случаях, когда речь идет о характеристике материальной культуры и особенно керамической посуды.

Территория.

Ареал Днепро-Донской бабинской культуры определяется путем картографирования погребальных памятников (рис. 1). С самого начала следует подчеркнуть, что занимаемая ею территория не была постоянной, а изменялась во времени. Динамику этих изменений мы пытаемся продемонстрировать во второй публикации настоящей серии, после обоснования внутренней периодизации культуры. Сейчас же очертим границы ее основного ареала, определившего и предлагаемое нами название самого культурного образования.

В целом данные картографирования свидетельствуют о том, что основной массив памятников Днепро-Донской бабинской культуры расположен в степной зоне между Днепром, Северским Донцом и Азовским морем. Впрочем, массовый характер распространения бабинских могильников по нижнему течению Дона, вплоть до наибольшего сближения больших излучин Дона и Волги, а также сравнительно редкие их находки в бассейне левобережных донских притоков – Иловли, Медведицы, Хопра – позволяет предполагать, что на востоке бабинский ареал охватывал все степное Доно-Донецкое междуречье. В этой связи можно разделить прогноз Э.С. Шарафутдиновой, что при археологических исследованиях территории левобережного бассейна Северского Донца (Айдар, Деркул, Калитва, Быстрая) и бассейна Чира, "это белое пятно, скорее всего, заполнится бабинскими памятниками" [Шарафутдинова, 1996, с. 57]. Кстати, раскопки последних лет в северной половине Ростовской области подтверждают высказанные предположения. Именно поэтому рассматриваемую нами культурную группу Бабино корректнее было бы называть не Днепро-Донецкой, а Днепро-Донской.

За очерченными пределами основного ареала Днепро-Донской бабинской культуры, очевидно, располагалась так называемая приграничная или точнее контактная зона, проникновение в которую бабинского населения, исходя из малочисленности соответствующих памятников, было эпизодическим, кратковременным и вряд ли массовым. Между тем, зачастую слабая археологическая изученность этих районов пока не позволяет делать категоричные выводы относительно границ культурных ареалов, а также оценки характера проникновения носителей бабинской культуры на соседние территории.

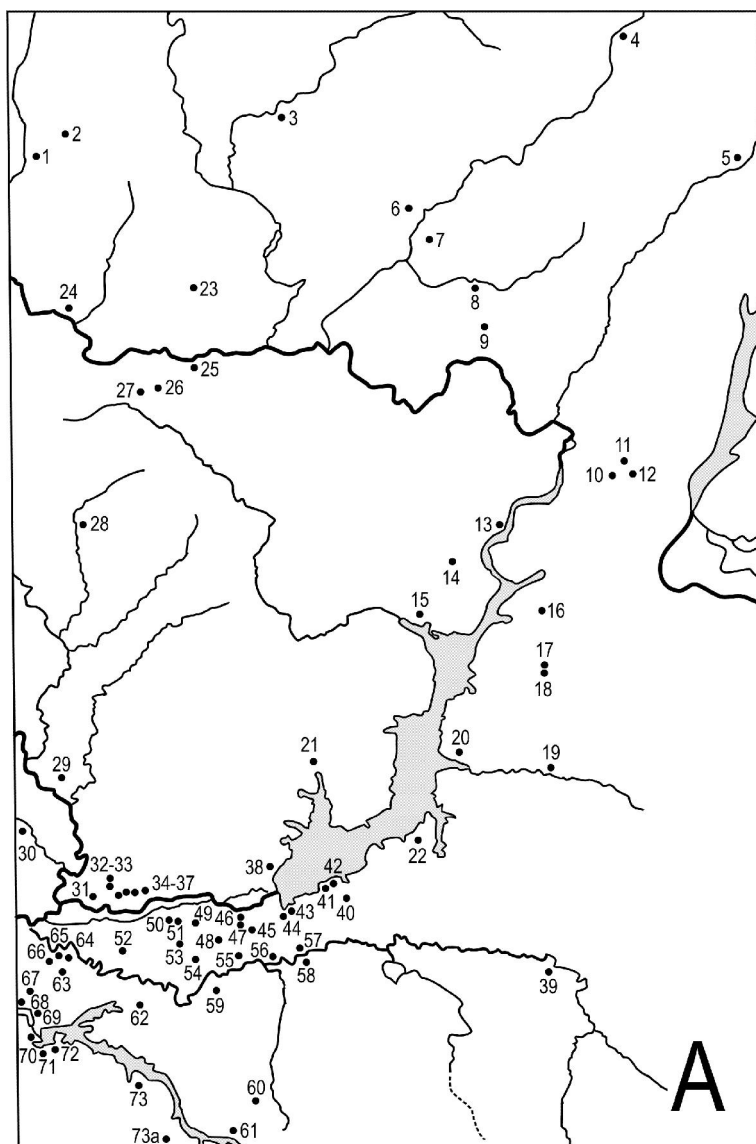

Рис. 1А. Ареал Днепро-Донской бабинской культуры (по материалам могильников).

Воронежская обл.: 1 – Калач; 2 – Подгорное II;

Волгоградская обл.: 3 – Короли; 4 – Бурлук I; 5 – Барановский I; 6 – Подгорное; 7 – Глушица; 8 – Ветютнев; 9 – Шляховский I; 10–12 – Котлубань I, III, IV; 13 – Горный; 14 – Остров; 15 – Чир II; 16 – Тихоновка; 17–18 – Крепинский I, II; 19 – Жугово; 20 – Кирпичный бугор; 21 – Лозной I; 22 – Нагавский II;

Ростовская обл.: 23 – Сухоеланский I; 24 – Поповка V; 25 – Калининский; 26 – Ясиновский; 27 – Ейский; 28 – Круча II; 29 – Частые курганы; 30 – Другой I; 31 – Константиновск; 32 – Сухо-Дюдеревский II; 33 – Мокро-Дюдеревский I; 34 – Упраздно-Кагальницкий I; 35–36 – Кастырский V, VIII; 37 – Богоявленская II; 38 – Цимлянский; 39 – Спорный IV; 40, 42 – Вербовый Лог X, VII; 41 – Подгорненский II; 43 – Старосоленовский; 44 – Столетовский; 45 – Потаповский II; 46, 47 – Ясырев I, III; 48 – Прогресс (ДОС II); 49 – Холодный IV (Большовский); 50, 51 – Дубенцовская I, VI; 52 – Рассвет; 53 – Потайной I; 54 – Засальский II; 55 – Дон-76-Д-IV; 56 – Романовский I; 57 – Теплый; 58 – Серебряковка; 59 – Криволиманский V; 60 – Ребричанский II; 61 – Каменный II; 62 – Ново-Садковский; 63 – Кузнецовский II; 64, 65 – Балабинка I, II; 66 – Сагванский II; 67 – Веселовская I; 68, 69 – Шахаевская I, II; 70 – Москва I; 71 – Веселый II; 72 – Каракашев; 73 – Северный II; 73а – Южный

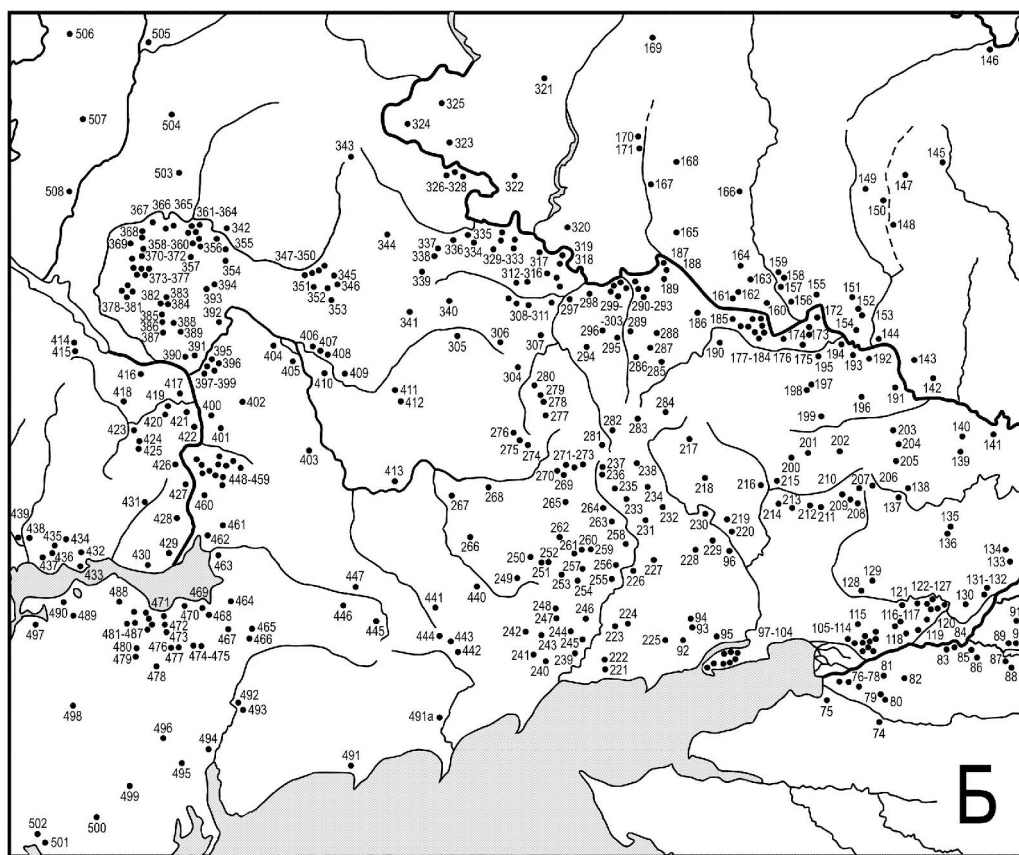

Рис. 1Б. Ареал Днепро-Донской бабинской культуры (по материалам могильников).

- Ростовская обл.:* 74 – Рясни; 75 – Займо-Обрыв; 76 – Аэродром; 77 – Красногоровк I, III; 78 – Ново-александровка; 79 – Высочино VII; 80 – Бушуйка; 81 – Койсуг; 82 – Советская Россия I; 83 – Алитуб; 84 – Арпачин II; 85 – Плоский I; 86 – Устьман; 87, 88 – Отрадный II, XIII; 89, 90 – Четыре брата I, II; 91 – Кудинов; 92 – Щербаков; 93 – Никитин I; 94 – Федоровка II; 95 – Таврия II; 96 – Беглица I; 97 – Лакедемоновка I; 98 – Новолакедемоновка; 99–102 – Русский колодец II, III, IV, VI; 103 – Гаевка-Каймачки XV; 105 – Мокрый Чалтырь; 106 – Сухой Чалтырь; 107, 108 – Ливенцовка I, X; 109, 110 – ТЭЦ 1, 2; 111 – Мехзавод; 112 – Ростов; 113 – Ростов-Западный; 114 – Ростов-Северо-Западный I; 115 – Хавалы II; 116 – Гиреева могила; 117 – Крутенький I; 118 – Мухин I; 119 – Бердановка; 120 – Аглицкий I; 121 – Октябрьский II; 122 – Грушевский; 123 – Соколовский; 124 – Кировский; 125 – ВНИИВиВ; 126 – Сторожевой; 127 – Хохлач; 128 – Юдинский III; 129 – Волошино IV; 130 – Донской; 131 – Поляков; 132 – Золотые Горки II, IV; 133 – Керчик, Гать II, III; 134 – Керчик, Озерки VI, IX, XIII; 135 – Чикмари I; 136 – Чикмари II; 137 – Киселев I; 138 – Ребриковка II; 139 – Калиновский II; 140 – Божковка I; 141 – Репный I; 142 – Рестумов II; 143 – Маленький; 144 – Лаповский I; 145 – Маньково V;
- Воронежская обл.:* 146 – Высокая Гора;
- Луганская обл.:* 147 – Заречное; 148 – Нижняя Бараниковка; 149 – Лимаревка; 150 – Мусиевка; 151 – Плотина; 152 – Степное; 153 – Паськово; 154 – Валуйское; 155 – Петровка II; 156 – Передельское; 157 – Райгородка; 158 – Деменково; 159 – Царевка; 160 – Трехизбенка; 161 – Муратово; 162 – Капитаново I; 163 – Окнино; 164 – Смоляниново; 165 – Затышнэ; 166 – Новодонбасское; 167 – Меловатка; 168 – Рудовка; 169 – Демино-Александровка; 170 – Преображенное; 171 – Гончаровка; 172 – Христовое; 173 – Приветное; 174 – Цветные Пески; 175 – Александровск; 176 – Говоруха; 177 – Ново-Григорьевка; 178 – Зимогорье; 179 – Смелое; 180 – Знаменка; 181 – Крипаки; 182 – Славяно-сербск; 183 – Пришиб; 184 – Сокольники; 185 – Желобок; 186 – Горск; 187 – Приволье; 188 – Высокое; 189 – Лисичанский НПЗ; 190 – Кировск; 191 – Большой Суходол; 192 – Ильевка; 193 – Пионерское; 194 – Николаевка; 195 – Ворошиловград, Трикотажная фабрика; 196 – Молодогвардейск; 197 – Переможное; 198 – Лугутино; 199 – Македоново; 200 – Орехово; 201 – Лесокино; 202 – Коробкино; 203, 204 – Провалье, Грушевая балка, Майка; 205 – Краснопартизанск; 206 – Бирюково; 207 – Дарьино-Ермаковка; 208 – Астахово; 209 – Любимое; 210 – Благовка; 211 – Цимлянка I, II; 212 – Клунниково; 213 – Червонный Жовтень;

Донецкая обл.: 214 – Дибровка; 215 – Чугунно-Крепинка; 216 – Зрубное; 217 – Ольховатка; 218 – Шахтерск; 219 – Белоярровка; 220 – Житенко; 221 – Коминтерново; 222 – Октябрьское; 223 – Запорожец; 224 – Луково; 225 – Самойлово; 226 – 227 – Новозарьевка; 228 – Петро-Павловка; 229 – Лисичье; 230 – Новоамвросиевка; 231 – Александровка; 232 – Покровка; 233 – Кринички II; 234 – Гусельское; 235 – Высокое; 236 – Григорьевка; 237 – Щегловка; 238 – Макеевка; 239 – Саргана; 240 – Старый Крым; 241 – Зирка; 242 – Куйбышево; 243 – Кременевка; 244 – Воляное; 245 – Орловское; 246 – Новоселовка; 247 – Новоалексеевка; 248 – Полковое; 249 – Равнополь; 250 – Новоандреевка; 251 – Валерьяновка; 252 – Волноваха; 253 – Рыбинское; 254 – Хамуш-Оба; 255 – Старая Ласпа; 256 – Раздольное; 257 – Петровское; 258 – Старобешево II; 259 – Стыла I; 260 – Малый Кут; 261 – Николаевка; 262 – Новотроицкое; 263 – Старобешево I; 264 – Обильное; 265 – Донецк, Текстильщик; 266 – Новодонецкое; 267 – Бурлацкое; 268 – Андреевка; 269 – Старомихайловка; 270 – Красногородка; 271 – Рясные курганы; 272 – Марченки; 273 – Пески; 274 – Николаевка; 275 – Калиново; 276 – Птичье; 277 – Ударник; 278 – Попов Яр; 279 – Новополтавка; 280 – Октябрьское, Владимирова; 281 – Лагери; 282 – Беева могила; 283 – Берестовое; 284 – Углегорск; 285 – Возрождение II; 286 – Зайцево; 287 – Калиново; 288 – Покровское; 289 – Артемовск; 290 – Раздоловка; 291 – Ивано-Дарьевка; 292 – Родионовка; 293 – Каменка; 294 – Ижевка I; 295 – Ступки; 296 – Миньковка; 297 – Черевков; 298 – Николаевка; 299 – Новоалександровка; 300 – Ямполь; 301 – Черногородка; 302 – Закотное; 303 – Платонова; 304 – Кучеров Яр; 305 – Новополтавка; 306 – Новоявленка; 307 – Камышеваха; 308 – Майдан; 309 – Прелестное; 310 – Октябрьское; 311 – Андреевка; 312 – Приволье; 313 – Шнурки; 314 – Хрестище; 315 – Степной; 316 – Славянск; 317 – Проклята могила (Выла); 318 – Сидорова; 319 – Славяногорск; 320 – Александровка;

Харьковская обл.: 321 – Егоровка; 322 – Кунье; 323 – Вербовка IV; 324 – Лиман; 325 – Граково; 326–328 – Красная Гусаровка А, В, Г; 329 – Бражковский; 330 – Малая Камышеваха; 331 – Шпаковка; 332 – Стратилатовка (Каменка); 333 – Изюмский тракт (им. Хаджопуло); 334 – Великая Камышеваха; 335 – Гострая могила; 336 – Верхний Степок; 337 – Мечебалова (Баба); 338 – Червонна Балка; 339 – Морокино; 340 – Котовка; 341 – Степовое; 342 – Новомажарово; 343 – Червонэ Знаменно; 344 – Князево; 345 – Петрополь I; 346 – Копани II;

Днепропетровская обл.: 347, 348 – Терны II, III; 349 – Черноглазово II; 350 – Чернявщина II; 351 – Преображенка II; 352 – Новоивановка II; 353 – Жемчужное I; 354 – Выдвиженец II; 355 – Малая Козырщина I; 356 – Лычково II; 357 – Красная могила; 358–360 – Пролетарское XXX, XXXII, XXXIII; 361–364 – Бузовка III, XXII, XXIII, XXIV; 365 – Котовка I; 366 – Заплавка I; 367 – Гупаловка XV; 368, 370 – Дмухайловка IX, X, XIV; 369 – Юрьевка XI; 372 – Преображенка VIII; 373–377 – Прядовка IV-VIII; 378–381 – Новоподкряж I-IV; 382 – Приют XVI; 383 – Веселое XV; 384 – Поливановка XII; 385 – Ивановка XIX; 386 – Цветки XX; 387 – Верхняя Маевка III; 388, 389 – Верхняя Маевка III, XVIII; 390, 391 – Подгороднее V, VII; 392 – Хащевое; 393 – Николаевка I; 394 – Губиниха II; 395, 396 – Соколово II, III, VI; 397–399 – Александровка (УЧХОЗ) I-III; 400 – Калина II; 401 – Гряковатое I; 402 – Раевка I; 403 – Павловка I; 404 – Булаховка I; 405 – ш. Павлоградская I; 406 – Вербки II; 407, 408 – Благодатное V, VI; 409 – Богдановка III; 410 – Павлоград I; 411 – Петропавловка V; 412 – Росишки I; 413 – Большая Михайловка IV; 414, 415 – Чкаловка IV, V; 416 – о. Игрень; 417 – Днепропетровский аэропорт, Близнецы; 418 – Николаевка Д-V; 419, 420 – Новоалександровка I, III; 421 – Волосское I; 422 – Алексеевка I; 423 – Привольное II; 424, 425 – Широкое II, IV; 426 – о. Таволжанный; 427 – о. Виноградный; 428 – Бабурский I; 429 – Марьевка; 430 – В. Тарасовка; 431 – Кисличеватая I; 432 – Каменское I; 433 – Никополь; 434 – Чкалово I; 435 – Могила Гурского; 436 – Черная могила; 437 – гр. Чертомлыка; 438 – Шахта №22; 439 – Усть-Каменка;

Запорожская обл.: 440 – Антоновка; 441 – Ново-Украинка; 442 – Белоцерковка; 443 – Попоризовка; 444 – Благовещенка; 445 – Конские Раздоры III; 446 – Басань, Бабакова могила; 447 – Пологи, Соколовский; 448 – Днепровка II, III; 449, 450 – Петро-Михайловка I, II; 451 – Жовтневое II; 452 – Александровка; 453, 454 – Новогупаловка I, II, III; 455 – Новоукраїнка I, II; 456 – Овчарное I; 457 – Гнарвовское; 458 – Скелеватое; 459 – Любимовка I; 460 – Вильно-Грушевка, Вильно-Улановка; 461 – Запор. опытная станция; 462 – Балабино; 463 – Приморское I; 464 – Гладкое, Лелихова могила; 465 – Таврия; 466 – Жовтневое; 467 – Барвиновка; 468 – Бурчак; 469 – Васильевка II; 470 – Скельки; 471 – Балки, Балковский курган; 472 – Балки, Рясные могилы; 473 – Видножино; 474, 475 – Михайловка I, III; 476, 477 – Тимашевка I, II; 478 – Ново-Александровка; 479 – Большая Белозерка; 480 – Большая Белозерка, Близнецы; 481–483 – Большая Белозерка, Суворова I-III; 484–486 – Балки, Гайманова могила, Долгая могила, VIII; 487 – Ново-Днепровка; 488 – Заповитне I; 489 – гр. Солоха; 490 – Мамай-Гора; 491 – Преслав; 491а – Осипенко; 492 – Аккермень I (Заречное); 493 – Ново-Филипповка; 494 – Новое; 495 – Акимовка; 496 – Высокое;

Херсонская обл.: 497 – Первомаевка III; 498 – Ново-Александровка; 499 – Велетнева; 500 – Сивашское; 501 – Благовещенка; 502 – Воскресенка I;

Полтавская обл.: 503 – Дмитровка; 504 – Малое Ладыжино; 505 – Лихачевка; 506 – Михайлики; 507 – Карпуси; 508 – Белики

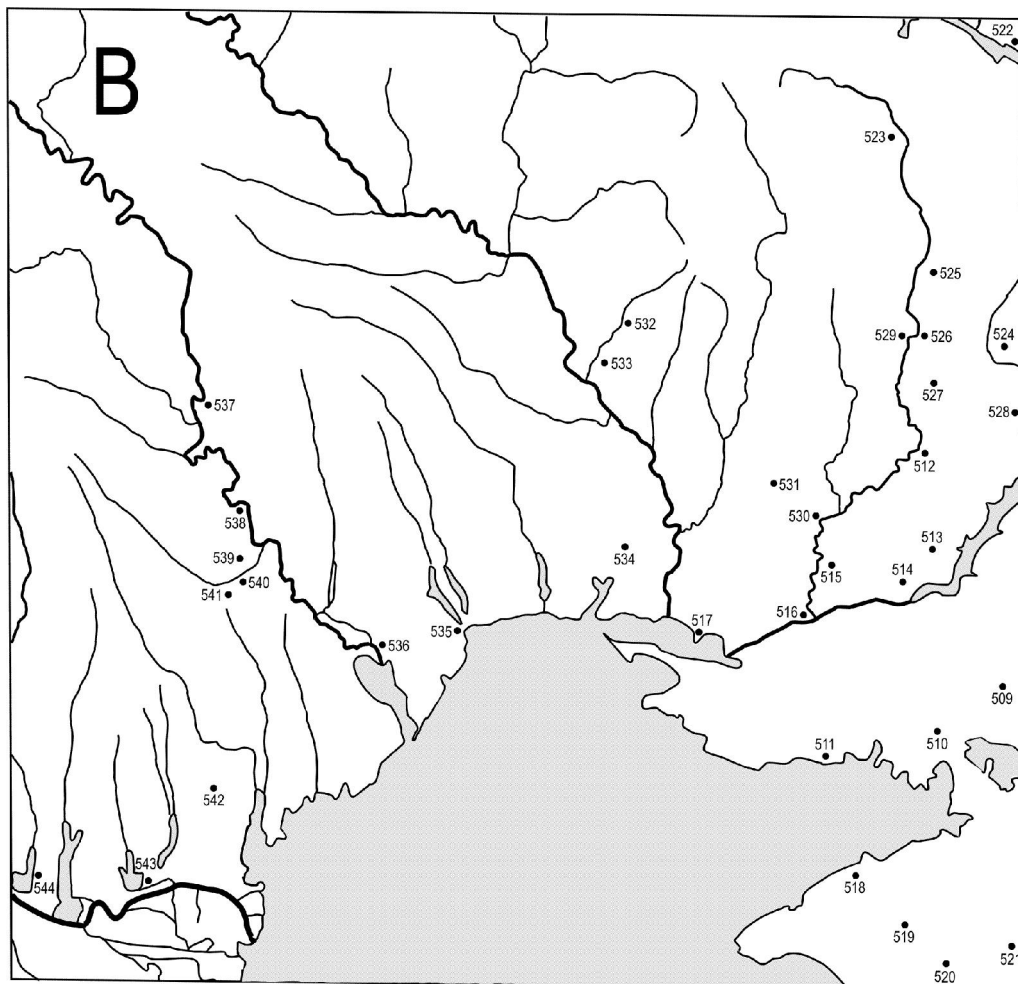

Рис. 1В. Ареал Днепро-Донской бабинской культуры (по материалам могильников).

Херсонская обл.: 509 – Аскания Нова; 510 – Полевое; 511 – Скадовск; 512 – Староселье; 513 – Кастырка; 514 – Тамарино; 515 – Кирово; 516 – Антоновка; 517 – Станислав; *Крым*: 518 – Далекое; 519 – Солдатово; 520 – Луговое; 521 – Дальнее; *Полтавская обл.*: 522 – Компанийцы; *Кировоградская обл.*: 523 – Головковка V; *Днепропетровская обл.*: 524 – Червона колонка; 525 – Ремонтирская могила; 526 – Кривой Рог, ЮГОК; 527 – Кравцы I; 528 – Марьянское; 529 – Рахмановка; *Николаевская обл.*: 530 – Шарованская могила; 531 – Новоалександровск I; 532 – Петропавловка; 533 – Таборовка III; 534 – Ивановка; *Одесская обл.*: 535 – сл. Романовка; 536 – Маяки; 542 – Виноградовка; 543 – Кислица I; 544 – Нагорное; *Молдова*: 537 – Васильевка; 538 – Гура-Быкулуй; 539 – Хаджимус; 540 – Кырэнэць; 541 – Опач

Тем не менее, крайними пунктами, свидетельствующими об инфильтрации бабинского населения в восточном и северо-восточном направлениях на сегодняшний день можно считать курганные могильники **Котлубань I, III, IV** в Доно-Волжском междуречье (Городищенский р-н Волгоградской обл.), **Барановский I** на верхней Иловле (ж/д ст. Петров Вал, Камышинский р-н Волгоградской обл.), **Бурлук I** в среднем течении Медведицы (Котовский р-н Волгоградской обл.), **Короли** на р. Бузулук в Прихопоре (Новоаннинский р-н Волгоградской обл.), **Подгорное II** и **Калач** на р. Подгорная (Воронежская обл.), **Высокая Гора** недалеко от устья Богучарки (Богучарский р-н Воронежской обл.). Юго-восточные же пределы бабинского ареала (или проникновения) находились в левобережном бассейне Нижнего Дона и в настоящее время могут быть очерчены следующими курганными могильниками: **Жутово I** на р. Есауловский Аксай (Октябрьский р-н Волгоградской обл.); возможно, **Спорный IV** в пограничье Верхнего и Нижнего Сала (Заветнинский р-н Ростовской обл.); **Ребричанский II**

и **Каменный II** на правом берегу Среднего Маныча (Пролетарский р-н Ростовской обл.); возможно, **Южный** и **Северный II** в левобережном пограничье Среднего и Нижнего Маныча (Сальский р-н Ростовской обл.).

Северные границы Днепро-Донской бабинской культуры определить довольно сложно, главным образом по причине слабой археологической изученности лесостепных областей современной Левобережной Украины, как, впрочем, и примыкающих южных областей Российской Федерации. Судя по имеющимся данным, в ареал Бабино входил левобережный бассейн Северского Донца в пределах Луганской и Харьковской областей, а также лесостепное Днепро-Донецкое междуречье в пределах Харьковской и Полтавской областей. Крайними северными пунктами здесь пока можно считать следующие могильники (с востока на запад продолжают цепочку от вышеупомянутого могильника Высокая Гора): **Маньково V** в верховьях Калитвы (Чертковский р-н Ростовской обл.), **Заречное** и **Лимаревка** в верхних течениях Камышной и Деркула (соответственно, Меловской и Беловодский р-ны Луганской обл.), **Демино-Александровка** в Среднем Поосколье (Троицкий р-н Луганской обл.), **Егоровка I** в Осколо-Донецком междуречье (Купянский р-н Харьковской обл.), **Лихачевка** на Средней Ворскле (Котелевский р-н Полтавской обл.) и **Михайлики** на левобережье Среднего Псла (Полтавский р-н Полтавской обл.). В Левобережной украинской лесостепи западная граница Днепро-Донской бабинской культуры вырисовывается несколько дальше Ворсклы, в свое время определявшейся С.С. Березанской как рубеж для восточного варианта КМК [**Березанская, 1986, с. 23**]. В качестве такового на сегодняшний день выступает Псел, на правом берегу которого и далее к западу интересующие нас памятники пока не известны [**Литвиненко, 1999, с. 9**].

Естественной южной границей Днепро-Донской бабинской культуры является побережье Азовского моря. Крымский полуостров уже не входил в ареал этой бабинской группы, однако единичные ее памятники там, кажется, имеются. К их числу, хотя и с некоторым сомнением, отнесено лишь четыре комплекса: Далекое к.8 п.1, Дальнее к.1 п.1, Луговое к.3 п.3, Солдатово к.4 п.7.

Несмотря на то, что основной массив памятников Днепро-Донской бабинской культуры находится к востоку от Днепра, степное Днепро-Донское Правобережье также входило в ареал этой культуры, представляя собой его западную периферию. Такое утверждение верно, по крайней мере, для области, охватывающей бассейны правобережных днепровских притоков – Мокрой Суры, Камышеватой Суры, Томаковки, Соленой, Базавлука и Каменки. Сравнительно немногочисленные памятники Днепро-Донской бабинской культуры, известные далее к западу (от Низовий Днепра и Ингульца, вдоль побережья Черного моря, до Южного Буга, Днестра и низовий Дуная), находятся уже за пределами области сплошного расселения соответствующих популяций и, судя по имеющимся у нас данным, маркируют маршрут миграции днепро-донских бабинских групп из Нижнего Поднепровья в Северо-Западное Причерноморье. Впрочем, это тема заслуживает отдельного рассмотрения и выходит за рамки настоящей статьи.

Курганное строительство.

Без преувеличения, с Днепро-Донской бабинской культурой связано начало качественно нового этапа в курганном строительстве Причерноморских степей, этапа, хронологически охватывающего не только период перехода от средней к поздней бронзе, но и позднебронзовый век, на который в Днепро-Донском регионе приходится время существования бережновско-маевской срубной культуры.

Непосредственно предшествующий культуре Бабино катакомбный период характеризовался довольно низкими показателями курганного строительства, присущими многим позднекатакомбным группам Причерноморья и Приазовья – среднедонской (харьковско-воронежской), бахмутской, западно-манычской, днепро-азовской (ингульской) [**Братченко, 1976, с. 31, 60, 79**; **Братченко, Шапошникова, 1985, с. 405, 413**; **Писларий, 1988, с. 13-14**; **Смирнов, 1996, с. 57, 79, 88, 100**; **Санжаров, 2001, с. 72-73, 110**]. Днепро-Донская же бабинская культура, и никакая другая группа Бабино, открывает новую эпоху, для которой, кроме всех прочих "черт космополитизма", стало характерным возведение собственных курганов в

противовес катакомбной традиции использования более ранних насыпей [Отрощенко, 2001, с. 76-77]. На чем же основаны такие выводы?

Во-первых, они базируются на следующих статистических данных: из массива погребений, для которых достоверно установлено стратиграфическое положение (515 комплексов), 55% (282 погребения) – являлись основными в курганах, 24% (123 погребения) – будучи впускными, сопровождалась досыпками, и лишь 21% (110 комплексов) – являлись впускными без досыпок. Таким образом, с 79% погребений Днепро-Донской бабинской культуры связана практика возведения самостоятельных курганных насыпей и досыпок. Примечательно, что для раннего горизонта днепро-донских бабинских памятников Донетчины, этот показатель оказывается еще выше. В свое время И.А. Писларий даже отмечал, что на территории Донбасса "каждому погребению культуры многоваликовой керамики соответствует или отдельный курган или значительная досыпка к существовавшей ранее курганной насыпи" [Писларий, 1988, с. 13]. Несмотря на чрезмерную абсолютизацию данного вывода, заметим, что практика курганного строительства в указанном регионе зафиксирована почти для 90% раннебабинских захоронений [Литвиненко, 1990, с. 81; 2001б, с. 166]. Весьма показательны и другие данные, в частности, свидетельствующие о том, что с памятниками Днепро-Донской области Бабино связано 83% курганных насыпей и досыпок, известных во всем бабинском ареале от Нижнего Дуная до Нижней Волги [Литвиненко, 2004а, с. 18; 2004в, с. 30].

Насыщенность курганных насыпей бабинскими захоронениями сравнительно невелика. Средний показатель составляет 1,26 погребения на курган. Впрочем, отдельные курганы включали до 5 погребений (Большой Суходол к.2-3, Молодогвардейск к.2, Приволье к.11, Пришиб к.2 Луганской обл.; Запорожец к.1 Донецкой обл.), 6 погребений (Крутенский I к.2-3 Ростовской обл.; Терны II к.4 Днепропетровской обл.) 7 погребений (Керчик к.4-8 Ростовской обл.) 8 погребений (Репный I к.7 Ростовской обл.), 9 погребений (Губиниха II к.3 Днепропетровской обл.), 10 погребений (Преображенка II к.1-2 Днепропетровской обл.) и однажды даже 12 погребальных комплексов (Михайлики Полтавской обл.)⁴. Исключительно все из них представляли собой разновидности овалных и длинных курганов. Заметим для сравнения, что приведенные цифры оказываются ниже соответствующих показателей по степному варианту Днепровско-Прутской бабинской культуры.

Важной характеристикой, дополняющей представление о масштабах курганного строительства, являются размеры возводимых бабинским населением самостоятельных насыпей и досыпок. Представление об этих параметрах дают две представленные ниже диаграммы.

Поскольку в плане форма курганных насыпей и досыпок была не только круглой, но и овальной, а также других очертаний, их размеры на рис. 2 поданы нами не в виде диаметра, а в виде длины и ширины (круглые насыпи на поле диаграммы образуют четкий диагональный ряд). Всего на полигон нанесены данные по 171 сооружению. Как видно по скоплению точек, размеры основной массы насыпей находились в пределах 10-30 м, что позволяет считать этот диапазон стандартным. Лишь полтора десятка насыпей превышали эти показатели, демонстрируя максимальные размеры 55Ч40 м, 50Ч40 м, 52Ч30 м.

Данные по высотам насыпей и мощности досыпок (всего 255 сооружений) содержит гистограмма (рис. 3). Указанные параметры варьируют в пределах 0,2-3,6 м. Впрочем, 57% всех учтенных насыпей (145 сооружений) имели мощность до 1 м включительно. Еще 34,5% насыпей (88) имели высоту от 1 до 2 м включительно. Как показывает изгиб образованной гистограммой параболы, частота встречаемости сооружений свыше 2 м заметно сокращается (17 случаев или 6,6%), а количество насыпей высотой от 3 м и выше измеряется единицами (5 случаев или 1,9%). Заметим, что самые крупные досыпки перекрывают некоторые из погребений, относящихся к группе комплексов Поднепровья и Правобережной Украины, с особым типом керамической посуды – корчагами [Литвиненко, 1999а].

Во-вторых, отличительной чертой курганного строительства Днепро-Донской бабинской культуры следует признать качественные новации в самой курганной архитектуре.

⁴ В последнем случае учитывались не только классические, достоверно бабинские комплексы (пп.1-6), но и погребения синкретического бабинско-срубного облика (пп.7-14), отражающие процесс сложения локальной группы бережновско-маевской срубной культуры.

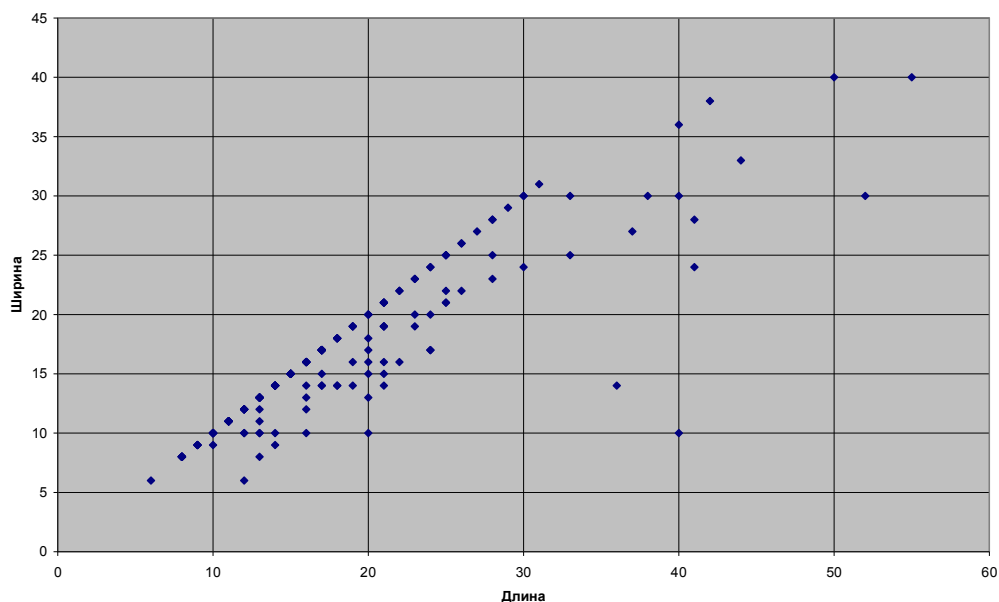

Рис. 2. Размеры курганных насыпей и досыпок Днепро-Донской бабинской культуры

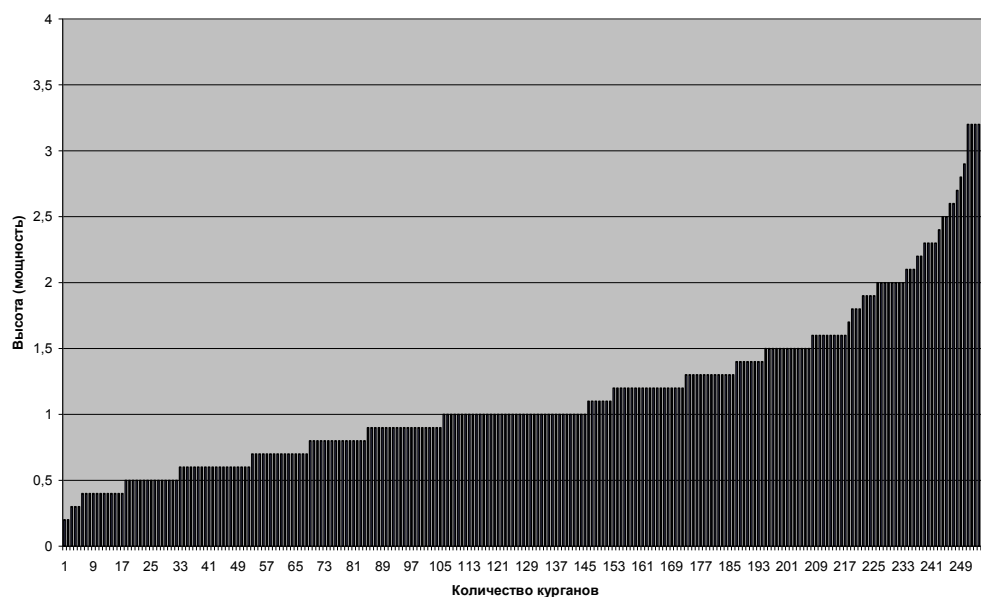

Рис. 3. Диаграмма высот (мощности) курганных насыпей и досыпок Днепро-Донской бабинской культуры

Пожалуй, ярче всего проявились они в таких, неизвестных по предшествующим эпохам, формах, как сооружение длинных курганов путем многократного одностороннего или двухстороннего достраивания досыпками, а также путем возведения соединительных досыпок. Если говорить о наиболее показательных примерах, то среди памятников, раскопанных в пределах Ростовской, Луганской, Донецкой, Запорожской, Днепропетровской и Полтавской областей, можно выделить не менее полутора десятков курганных сооружений, внутренняя архитектура которых включала от трех до шести строительных горизонтов, связанных только с бабинскими комплексами (рис. 4). Среди них назовем: Репный I к.7 (6 досыпок), Губиниха II к.3 (насыпь + 5 досыпок), Преображенка II к.1-2 (2 насыпи + 4 досыпки), Пришиб к.2 (3 насыпи + 2 досыпки), Большой Суходол к.2/3 (2 насыпи + 3 досыпки), Молодогвардейск к.2 (2 насыпи + 3 досыпки), Запорожец к.1 (3 насыпи + досыпка), Приволье к.13 (3 насыпи), Македоново к.1 (3 досыпки), Хамуш-Оба к.2 (2 насыпи + досыпка), Гнаровское к.1 (2

насыпи + досыпка), Новогупаловка I к.1 (2 насыпи + досыпка), Михайлики (насыпь + 3 досыпки), Нижняя Баранировка к.5 и другие [Глебов, 2004, с. 77-107, рис. 16-17; Ковалева, 1988; Гершкович, 1982; Писларий, 1991, с. 53-54, рис. 1-3; Писларий, 1979; Литвиненко, Зарайская, 2004; Посредников и др., 1991; Отрошенко и др., 1981; Луговая, Шилов, 1990; Братченко, 2003, с. 192-208; Ковалева, 1987а, т. II, с. 109, рис. 64, 3]. И уже десятками исчисляются курганы с одной-двумя удлиняющими досыпками.

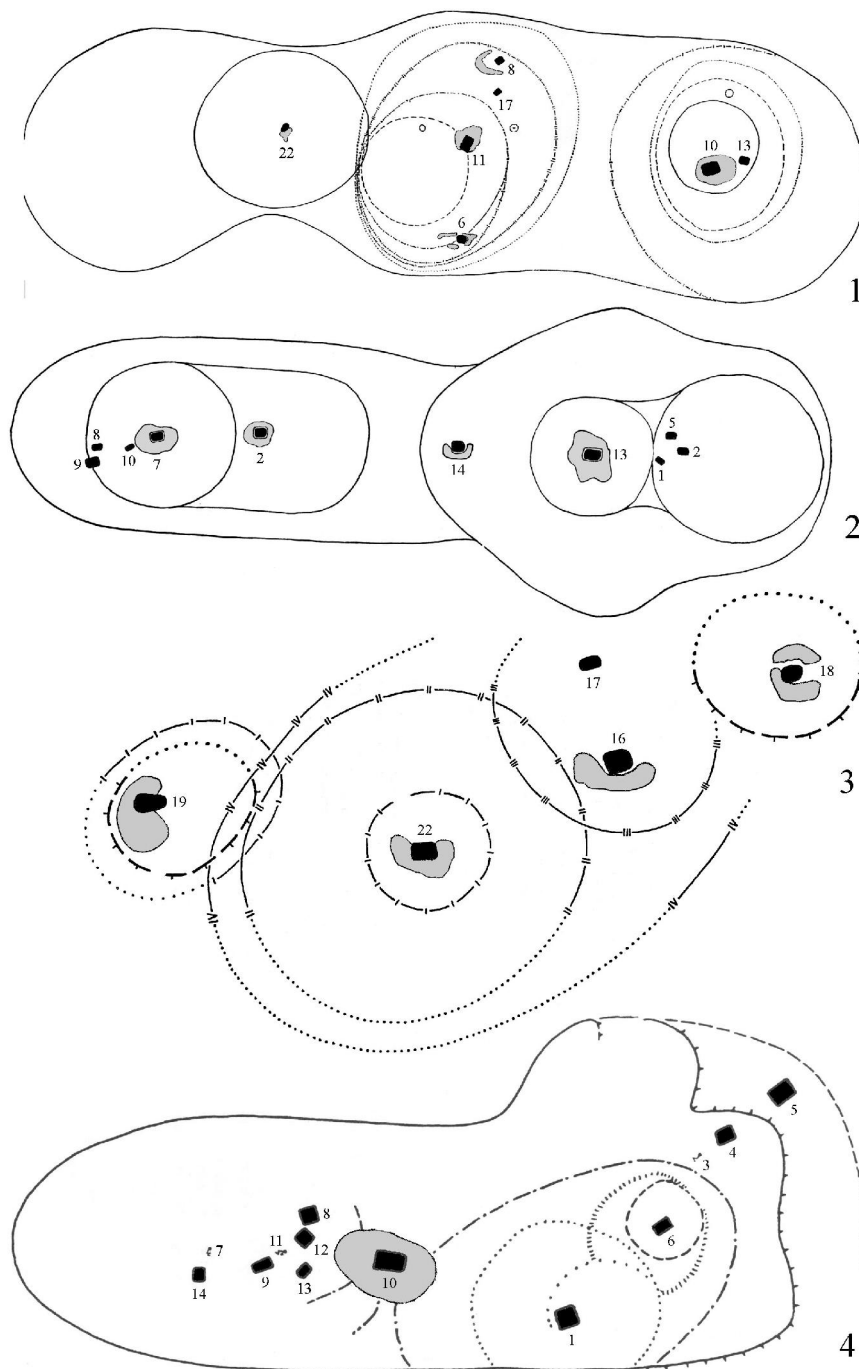

Рис. 4. Длинные курганы, образованные слиянием насыпей и досыпок над погребениями Днепро-Донской бабинской культуры: 1 – Губиниха II к.3; 2 – Преображенка II к.1-2; 3 – Запорожец к.1; 4 – Михайлики

К числу новаций в курганном строительстве Днепро-Донской бабинской культуры следует добавить и своеобразную каменную архитектуру, приуроченную в основном к каменистым регионам Донецкого кряжа и в меньшей степени Днепровского Надпорожья. Она нашла воплощение в разнообразных, порой довольно масштабных и впечатляющих, конструкциях типа каменных насыпей, панцирей, кромлехов, оградок и вымосток [Писларий, 1991, с. 53-54; Литвиненко, 2000].

По сравнению с предшествующими эпохами, существенные изменения произошли также в подготовке и оформлении на подкурганном пространстве и между строительными горизонтами насыпей особых площадок, иногда с выборкой или досыпкой грунта, обмазкой глиной, сооружением растительного настила, выкапыванием ритуальных ям (бофров) с последующим заполнением их частями туш домашних животных, размещением на площадках особых останков жертвенных животных, разведением кострищ, установки деревянных изваяний. Сюда же следует добавить следы тризн и других ритуальных действий в виде целых или разбитых глиняных сосудов, костей животных и рыб, раковин, кусков кремня и прочих артефактов [Городцов, 1907, с. 355-356, рис. 95; Ковалева, 1997, с. 11; Ковалева и др., 1987, с. 24-25; Ильюков, Казакова, 1988, с. 51-53; Рогудеев, 1989; и др.].

Ничего подобного и даже близкого по количественным и качественным показателям в курганном строительстве других территориальных групп Бабино неизвестно [Литвиненко, 2004а, с. 20-21; 2004б, с. 32-33].

Особо следует остановиться на вопросе размещения и планировки захоронений в кургане. Для основных погребений, как и в предшествующие эпохи, характерно расположение могилы по центру курганной насыпи, иногда с некоторым смещением. Впускные же могилы, для которых предполагалось возведение досыпки, как правило, размещались на склоне или у подножия предшествующей насыпи. Причем очень часто при этом выбиралась западная или восточная пола древнего кургана, чтобы последующее возведение досыпки позволило удлинить курган именно в широтном направлении. Если подобное одностороннее или двустороннее достраивание досыпок совершалось неоднократно, то связанные с ними бабинские погребения всегда размещались строго или почти на одной линии, образуя, таким образом, длинную ось кургана [Ковалева, 1987а, т. I, с. 196-197; Писларий, 1991, с. 54].

В тех же случаях, когда формирование длинного кургана нормами не предусматривалось, впускные бабинские захоронения (как с досыпкой, так и без нее) имели иной принцип размещения в пределах курганной насыпи. До сих пор это правило еще не было выявлено исследователями. Впрочем, на особенность локализации в курганах единичных погребений, сочетавших в обряде позднакатакомбные и бабинские черты – северо-западный сектор – указывал С.Н. Братченко, отмечая при этом, что "для их надежного культурно-хронологического определения необходимо серийное рассмотрение" [Братченко, 1991, с. 62]. Такое серийное рассмотрение было предпринято автором настоящей статьи. В качестве цели его намечалось выявление тенденций локализации впускных погребений Днепро-Донской бабинской культуры. Суть проведенной работы заключалась в составлении планиграфического полигона, на который наносились впускные бабинские погребения из всех имеющихся в нашем распоряжении курганов. При составлении полигона соблюдался принцип сохранения единой для всех курганных комплексов радиальной градусной сетки и масштаба: размещение каждого погребения осуществлялось по отношению к центру той насыпи, которая существовала на момент его впуска, а не по отношению к реперу, установленному на момент раскопок. Разумеется, осуществлению этой работы предшествовал трудоемкий и кропотливый разбор стратиграфии многих десятков курганов. В итоге, на полигон было нанесено более сотни погребений⁵. Сведение всех имеющихся у нас данных на единый планиграфический полигон продемонстрировало очень устойчивую тенденцию, согласно которой впускные захоронения

⁵ Впрочем, на схему остались не нанесенными еще около двух-трех десятков комплексов, для которых мы не располагали точными координатами, однако знаем, что расположены они в пределах СЗ и СВ секторов, то есть в северной половине кургана. Еще несколько могил, впущенных к северу от центра, остались за рамками схемы, поскольку выходили за пределы взятого нами 20-метрового радиуса полигона. Особо подчеркнем, что на схему преднамеренно не наносились те погребения, сектор впуска которых был заранее обусловлен необходимостью создания удлиняющих или объединительных досыпок, о чем говорилось выше.

Днепро-Донской бабинской культуры почти всегда располагались в северной половине кургана (рис. 5). Смысл такой планировки мы попытаемся раскрыть ниже, когда речь пойдет об ориентировке погребенных.

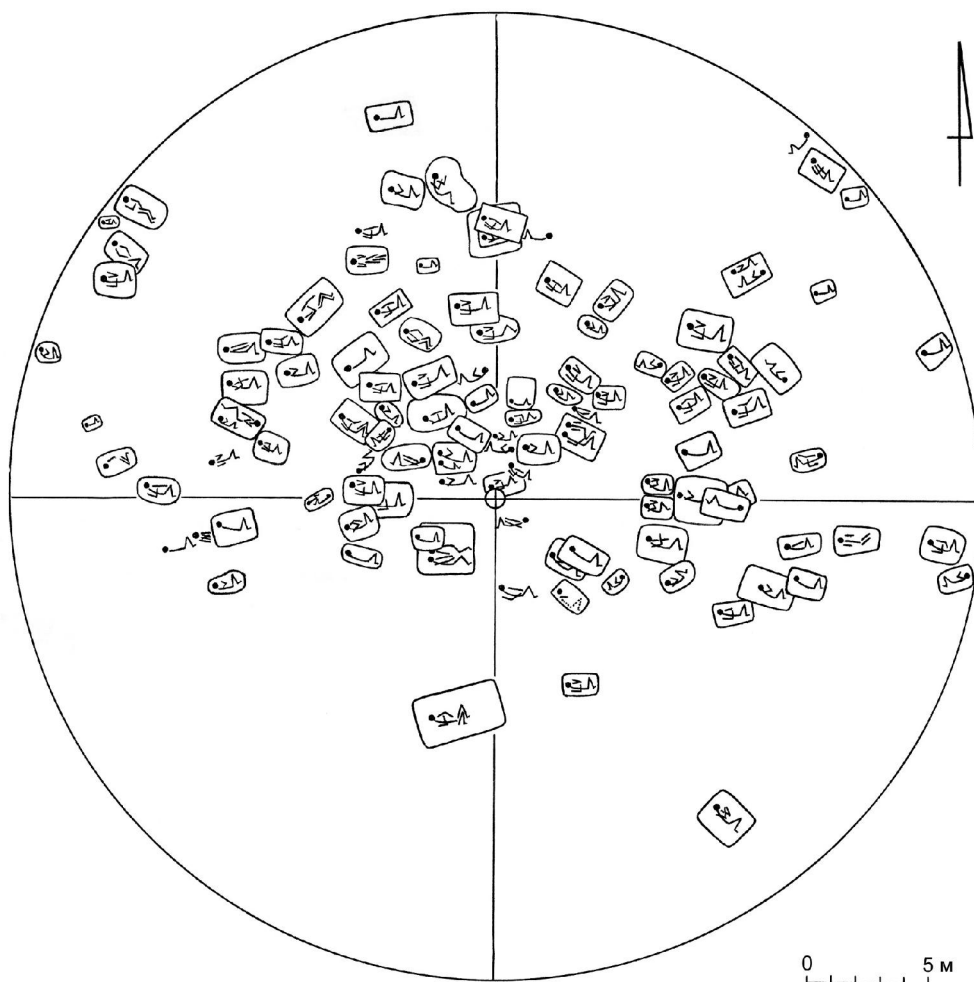

Рис. 5. Планиграфический полигон размещения впускных погребений Днепро-Донской бабинской культуры на площади курганной насыпи (ранний хронологический горизонт)⁶

Погребальный обряд.

Кроме приведенных выше данных о курганном строительстве, для характеристики погребальной практики носителей Днепро-Донской бабинской культуры большое значение имеют сведения о способе захоронения умерших в его археологических формопроявлениях.

Могильные сооружения представлены несколькими типами, демонстрирующими как локальные тенденции, так и определенную хронологическую динамику.

Наиболее распространенным (в количественном, территориальном и хронологическом отношениях) типом могильной конструкции являлась **грунтовая яма**. Ямы встречены в 500 случаях (73% от общего количества погребений с достоверно зафиксированным типом могильного сооружения). Поскольку, как правило, тип могилы не прослеживается для т.н. по-

⁶ Выявленная тенденция планировки впускных захоронений оказалась характерной лишь для комплексов ранних периодов Днепро-Донской бабинской культуры, сохраняющих изначальный комплекс обрядово-инвентарных характеристик. Памятники позднего горизонта демонстрируют иные тенденции, в том числе касающиеся размещения впускных могил в пределах курганной насыпи. Данное обстоятельство обусловило ограничение, касающееся нанесения на планиграфический полигон только комплексов ранних хронологических горизонтов.

гребений в насыпи кургана, с большой долей вероятности можно предполагать, что зачастую это были ямы и значит, удельный вес этих конструкций был значительно большим. Типичной для Днепро-Донской бабинской группы можно считать яму прямоугольной в плане формы с различной степенью закругленности углов. Замечено, что для раннего хронологического горизонта были характерны ямы с коэффициентом соотношения длины к ширине близким 1.1-1.5, а для поздних горизонтов этот показатель увеличился до 1.7-2.0, что свидетельствует о тенденции к удлинению пропорций могильного сооружения. К поздним горизонтам теряется и четкость геометрических контуров ям, в результате чего из прямоугольных они превращаются в подовальные. Размеры обычных ям невелики и, с учетом возрастной градации, рассчитаны на скорченное положение умерших. Большими даже для взрослых можно считать могилы длиной около и свыше 2 м. В качестве примеров наиболее крупных ям приведем следующие: 3,55Ч2,6 м (Беева Могила п.3, Донецкая обл.), 3,18Ч1,89 м (Новополтавка 4/1, Донецкая обл.), 3,0Ч2,6 м (Чкалово IV 5/3, Днепропетровская обл.), 3,0Ч1,8 м (Юрьевка XI 1/8, Днепропетровская обл.), 2,9Ч2,3 м (Александровка 1/10, Луганская обл.), 2,72Ч1,95 м (Николаевка-71 5/2, Луганская обл.). Типичной величиной для глубины ям можно считать диапазон 0,5-1,0 м, хотя варьирует этот показатель несколько больше (0,3-1,8 м). Как правило, самые крупные ямы, а иногда большие и средние, имеют такой дополнительный конструктивный элемент, как уступы или заплечики вдоль всех или только продольных стен. Перекрывались ямы чаще всего деревом (зафиксировано для 175 могил), редко камнем (38), еще реже деревом и камнем одновременно (17).

Сравнительно реже встречаются погребальные сооружения в виде **деревянных рам**. В Днепро-Донской бабинской группе нам известно 175 таких конструкций (22% от погребений с определенным типом могилы). Как правило, состоящая из широких толстых досок рама, устанавливалась на дно ямы или в специальные желобчатые углубления на дне, иногда называемые канавками (рис. 6). Встречаются различные способы соединения конструкции в углах: встык, в паз. Изредка рама фиксировалась на дне деревянными распорками из обрубков досок, костылями или вбитыми в дно ямы столбиками. Перекрытие обычно представлено плотно подогнанными досками, очень редко уложенными в два слоя, иногда дополненными корой и камышом. Заметим, что в перекрытии погребальных камер, будь то яма или рама, почти всегда деревянные доски укладывались **поперечно** длиной оси могилы (222 случая или 90,6%), тогда как **продольное** положение встречается очень редко (14 случаев или 5,7%). Общая статистика по типам перекрытий дана в таблице 1. Эта дополнительная информация по перекрытиям могил имеет не только формальное значение, но в немалой степени и культурно диагностирующее, ибо другие региональные группы Бабино характеризуются иными показателями. В частности, Днепро-Прутская бабинская культура, особенно в своем лесостепном варианте, характеризуется преобладанием продольных деревянных перекрытий над поперечными.

Время бытования деревянных рамных конструкций, вопреки бытующему мнению, не ограничивается исключительно ранним горизонтом культуры Бабино, хотя основное их количество приходится именно на этот период, что прослежено по материалам Левобережного Днепро-Донского предстепья, Северскодонетчины и Днестровско-Прутского междуречья [Ковалева, 1981, с. 17; Писларий, 1983; Савва, 1992, с. 144, 146; Литвиненко, 2001, с. 61]. Напротив, как справедливо заметила в свое время О.Р. Дубовская, неоднократные стратиграфические наблюдения по курганам Донетчины свидетельствуют о том, что древнейшими в этом регионе являются бабинские погребения в ямах, которые всегда (11 случаев) предшествуют рамным конструкциям при отсутствии обратной стратиграфии [Дубовская, 1985]. Подобное же мнение высказывалось и С.С. Березанской [Березанская, 1986, с. 29]. И хотя мы не склонны на этом основании различать комплексы в ямах и рамах по отдельным хронологическим периодам, ибо по другим обрядово-инвентарным характеристикам они идентичны, все же указанное обстоятельство стоит учитывать при рассмотрении вопросов внутренней периодизации культуры. Кроме того, немногочисленные рамные конструкции встречены в достоверно поздних погребениях Днепро-Донской бабинской группы (по нашим данным – 14 комплексов, из которых 4 сопровождалась поздними типами костяных "медальонов-пряжек").

Таблица 1

Типы перекрытий ям и деревянных рам Днепро-Донской бабинской культуры

Тип перекрытия	Яма		Рама	
	Кол-во	Удельный вес (%)	Кол-во	Удельный вес (%)
Дерево поперечное (пп)	121	64,4	101	95,3
Дерево продольное (пр)	9	4,8	5	4,7
Дерево пп + пр	3	1,6	6	-
Камень	38	20,2	-	-
Камень + дерево	17	9	-	-
ВСЕГО	188	100	106	100

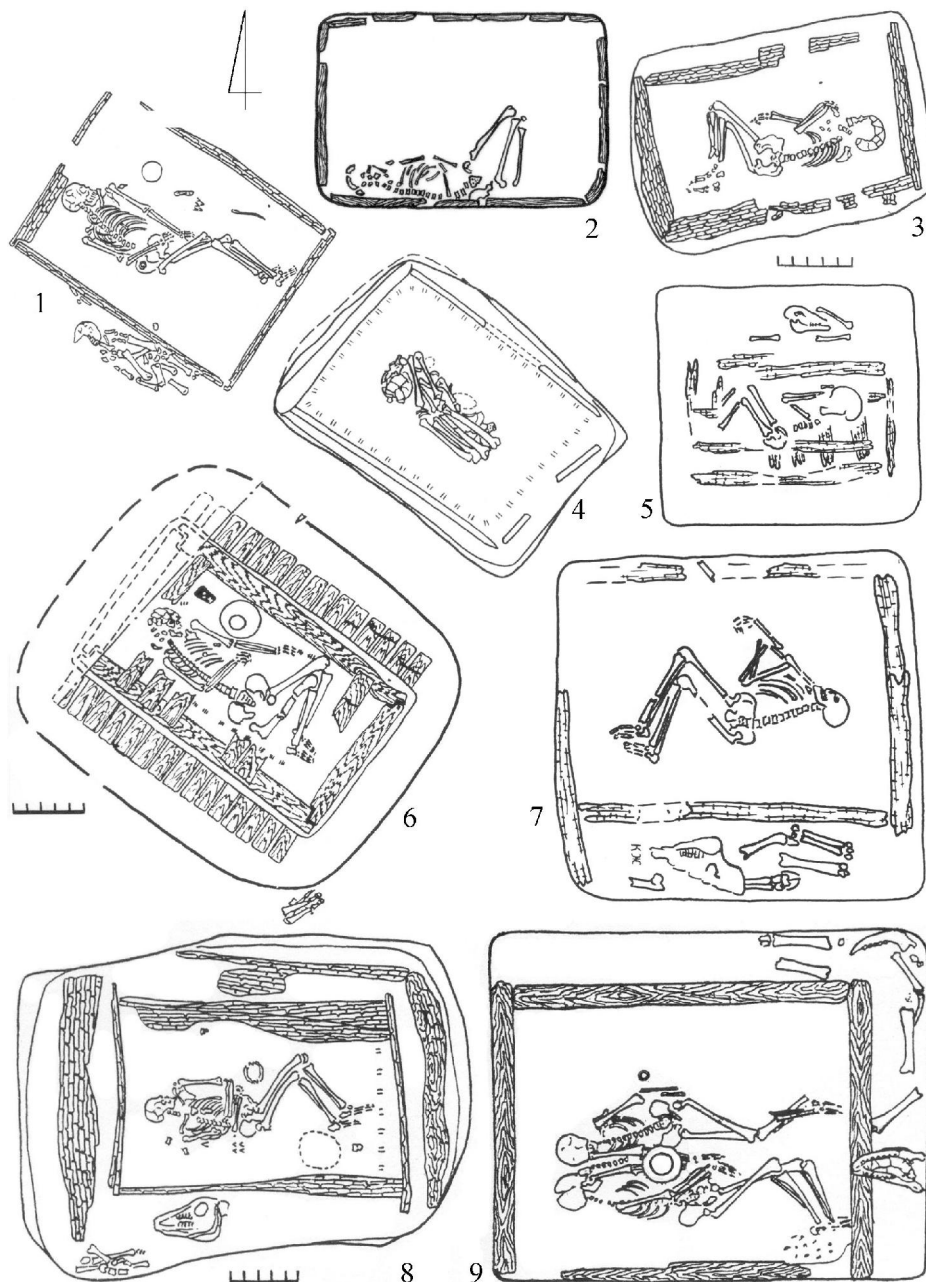

Рис. 6. Погребения в деревянных рамах Днепро-Донской бабинской культуры: 1 – Николаевка к.1 п.8; 2 – Барановский I к.10 п.5; 3 – Пришиб к.2 п.14; 4 – Ударник к.3 п.1; 5 – Михайлики п.4; 6 – Широкое II к.1 п.6; 7 – Михайлики п.1; 8 – Беева могила п.3; 9 – Губиниха II к.3 п.10

Показательно, что в области Днепро-Донского междуречья рамные гробницы встречаются далеко неравномерно: подавляющий их массив сосредоточен в южной лесостепной – северной степной подзонах, значительно меньше – в южной степной полосе Северного Приазовья, что, скорее всего, объясняется степенью доступности ресурсов дерева в прошлом [Литвиненко, 2001, с. 59, рис. 1]. Почему-то абсолютно отсутствуют рамные конструкции в бабинских захоронениях Нижнего Дона. Особо подчеркнем то обстоятельство, что деревянные рамы являются характерной чертой именно Днепро-Донской бабинской культуры, ее своеобразной визитной карточкой. За пределами этой культуры, например, в Днепроовско-Прутской бабинской группе, в северо-степной зоне, крайне редко встречаются немногочисленные и к тому же модифицированные конструкции этого типа (в настоящее время известны в 13 комплексах), в том числе установленные в подбойных могилах (4 комплекса).

Еще более редким типом погребального сооружения для Днепро-Донской бабинской культуры являются **каменные ящики**, известные в количестве 24 (3,7%). Практически все они составлены из вертикальных плит, помещенных в грунтовые ямы; иногда плиты вкопаны в дно ямы (рис. 7). Промежутки и щели между плитами обычно заложены мелкими обломками камня и щебенкой, иногда замазаны глиной. Перекрытие в большинстве случаев каменное, изредка с использованием каркасных и столбовых элементов из дерева. Особой массивностью и качеством отделки отличаются каменные ящики из Поднепровья и Правобережной Украины, относящиеся к упоминавшейся выше группе погребений с керамическими корчагами [Литвиненко, 1999а]. В указанных регионах, к некоторому удивлению, оказывается сосредоточенным и основной массив бабинских ящиков, в то время как каменистые районы Донецкого кряжа дали лишь 4 подобных конструкции. Это обстоятельство пока не находит должного объяснения. Возможно, в выборе направления для поиска ответа на этот вопрос следует учитывать то небезынтересное обстоятельство, что ареал бабинских каменных ящиков в значительной степени совпадает с территорией распространения каменных гробниц раннебронзового века, относимых к Кеми-обинской или ямной культурам, что может рассматриваться через призму некоего возрождения древних местных традиций.

Крайне редким и, подчеркнем, нетипичным для Днепро-Донской бабинской культуры является тип **подбойно-катакомбных** могил. Учитывая их малочисленность (около двух десятков), а также тяготение к периферийным районам (Нижний Дон, Нижнее Поднепровье) и сравнительно позднее хронологическое положение (в основном средний и поздний периоды), можно предполагать, что появление подобных конструкций в Днепро-Донской бабинской группе обусловлено ее взаимодействием с соседними культурными образованиями (соответственно, Лолинской культурой – на востоке и Днепроовско-Прутской бабинской – на западе), для которых подбой и катакомбы являлись весьма характерными атрибутами.

Способом захоронения в большинстве случаев была **ингумация**. Подавляющая часть могил (96,7%) представляет собой одиночные, индивидуальные погребения, принадлежащие представителям обоего пола и всех возрастов. Коллективных захоронений насчитывается лишь 35 (3,3%), из них 33 – парные и 2 – тройные. Среди парных, судя по антропологическим определениям, известны почти все возможные половозрастные сочетания: взрослый + взрослый, взрослый + подросток, взрослый + ребенок, взрослый + мужчина, взрослый + женщина, мужчина + женщина, женщина + подросток, женщина + ребенок, ребенок + ребенок. Из тройных погребений состав определен следующим образом: взрослый + взрослый + ребенок, мужчина(?) + ребенок + ?.

В положении умерших типичным следует признать скорченное на боку, иногда с разворотом на спину или завалом на грудь, с несколькими вариантами в позиции рук. Левобочное положение (698 случаев – 78,4% от всех установленных) преобладает над правобочным (177 – 19,9%). Известен один случай вытянутого на спине положения умершего. Достоверно зафиксировано 14 **вторичных захоронений** (1,5%) в виде т.н. "пакетов" и подобных им вариантов компактного помещения костей на дне могилы, в т.ч. одно частичное расчленение (?). В одном из этих погребений (парном) перезахоронение сочетается с ингумацией.

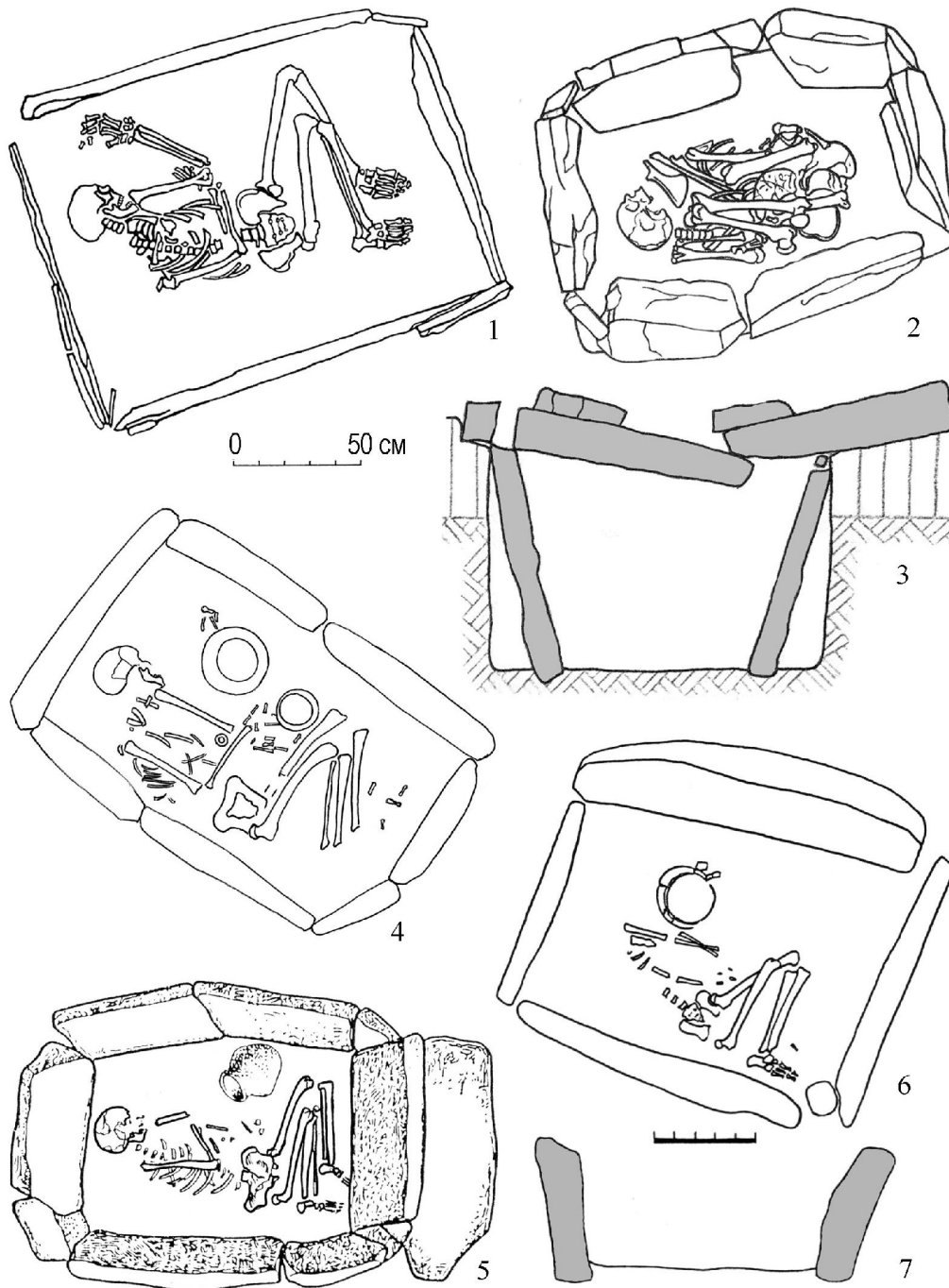

Рис. 7. Погребения в каменных ящиках Днепро-Донской бабинской культуры: 1 – Старобешеве I к.3 п.2; 2, 3 – Октябрьское к.1 п.20; 4 – Слободка Романовка, Одесский курган п.23; 5 – Кривой Рог, ЮГОК к.1 п.1; 6, 7 – Басань, Бабакова могила к.4 п.1

Форма труположения демонстрирует определенную динамику во времени, которую в обобщенном виде можно продемонстрировать путем выделения обрядовых групп. Для I (раннего) периода Днепро-Донской бабинской культуры был характерным весьма необычный для степных культур Восточной Европы принцип бинарной оппозиции в положении и ориентировке разнополюх умерших: **мужчин** укладывали в могилу на левом боку с ориенти-

ровкой головой в западный сектор (1 обрядовая группа – ОГ), а **женщин**, наоборот – на правом боку с ориентировкой головой в восточный сектор (2 ОГ); при той и другой позиции умершие были обращены лицом в северный сектор (рис. 8). Если же учесть выявленную и описанную выше тенденцию совершать впускные захоронения в северную половину кургана, то есть ту часть насыпи, откуда остается открытым именно северный полукруг горизонта, то становится очевидным, что именно то направление, куда умерший развернут корпусом и обращен лицом, в бабинском погребальном обряде являлось семиотически значимым [Литвиненко, в печати].

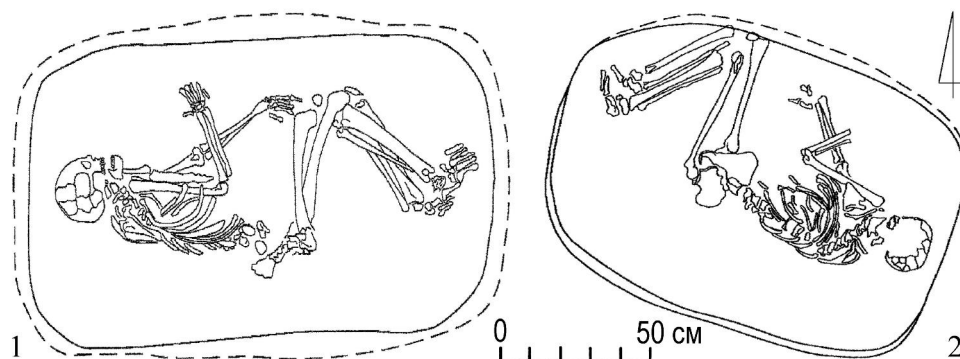

Рис. 8. Бинарно-опозитные (мужская и женская) обрядовые группы: 1 – Ребриковка II к.1 п.3 (♂); 2 – Ребриковка II к.1 п.5 (♀). (По: Прокофьев, 2004; Антропологические определения Е.Ф. Батиевой)

На II (среднем) этапе описанный принцип в обряде захоронения прослеживается уже, если можно так выразиться, в "урезанном" виде. В этот период исчезает самостоятельная женская обрядовая группа (правый бок, восточная ориентация головы). В то же время сохраняется и становится основной так называемая мужская обрядовая группа (1 ОГ) с присущим ей положением на левом боку и западными ориентировками. Имеющиеся антропологические определения свидетельствуют о том, что эта обрядовая группа уже объединяет в себе не только захоронения мужчин, но и женщин. Сохраняется и тенденция впуска погребений в северную половину кургана. Таким образом, от исходных принципов труположения на втором этапе сохранились лишь общая направленность лицом в северный сектор лежащих уже в одинаковой позе и ориентировке разнополюх умерших.

На среднем этапе появляются две новые, количественно малочисленные, обрядовые группы, отличительной чертой которых является ориентировка головой, соответственно, в южном (3 ОГ) и северном (4 ОГ) направлениях. Имеющиеся стратиграфические свидетельства позволяют предварительно отнести эти обрядовые группы к концу среднего этапа.

Обрядовая группа с южной ориентировкой (3 ОГ) продолжает существовать и на III (позднем) этапе Днепро-Донской бабинской культуры. Вместе с ней, возможно несколько позже, появляется обрядовая группа с ориентировкой в восточный сектор и левобочным положением умершего (5 ОГ).

Сводная информация об ориентировках умерших в погребениях Днепро-Донской бабинской культуры представлена в виде диаграммы (рис. 9), из которой достаточно определенно явствует, что приоритетными направлениями являлись широтные с отклонениями. При этом наблюдается значительное преобладание западного направления (сектор ЮЗ-СЗ) над восточным и тем более остальными.

Дополнительно следует остановиться на такой характеристике останков погребенного, как положение рук, поскольку этот признак имеет определенные хронологические тенденции, которые, впрочем, нельзя абсолютизировать. Всего выделяется 6 позиций рук, которые в целом охватывают имеющееся разнообразие источников. Общая статистика, отражающая частоту встречаемости каждой позиции, представлена в таблице 2.

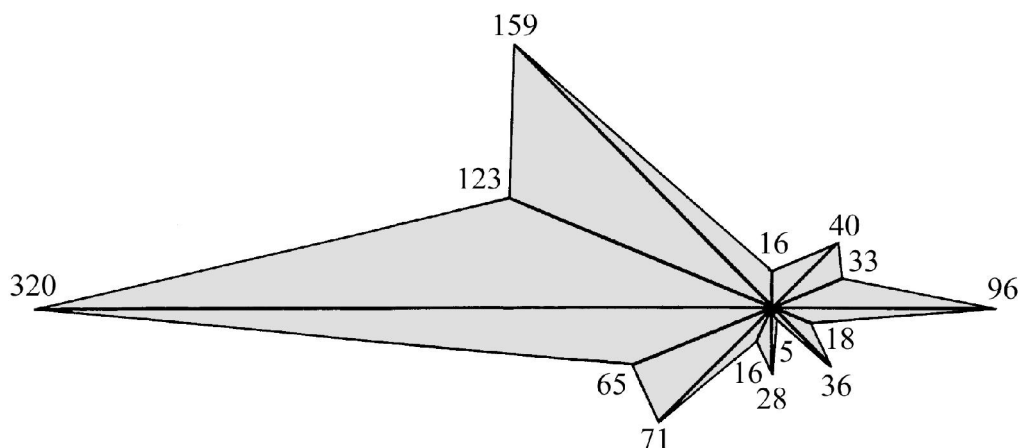

Рис. 9. Диаграмма ориентировок умерших в погребениях Днепро-Донской бабинской культуры.

Таблица 2

Положение рук умерших в погребениях Днепро-Донской бабинской культуры

Позиция	I	II	III	IV	V	VI	ВСЕГО
		L	v	L┘	LV	W	
Количество	56	166	47	56	100	175	600
Удельный вес (%)	9,5	27,5	8	9,5	16,5	29	100

Между тем, анализ показывает, что соотношение, а значит, частота встречаемости перечисленных позиций рук на различных хронологических этапах существенно изменялось, при этом демонстрируя единую устойчивую тенденцию. Расположение позиций в приведенной выше таблице 2 слева направо в общих чертах повторяет хронологический ряд от ранних к поздним. В качестве дополнительного комментария к этому заметим, что, например, в погребениях I (раннего) хронологического горизонта преобладают первые три позиции с вытянутыми руками и особенно первая, а во II (среднем) и III (позднем) – напротив, определяющими являются две последние, с согнутыми и поднесенными к голове руками, при полном отсутствии первой. Наглядно эти тенденции еще будут продемонстрированы во второй публикации настоящей серии, при анализе датирующего инвентаря.

Погребальный инвентарь.

В посткатакомбную эпоху, которая в степи Северного Причерноморья открывается Днепро-Донской бабинской культурой, по мнению ряда исследователей, некоторым образом возрождаются позднеямные традиции, в первую очередь, проявляющиеся в погребальном обряде [Писларий, 1983, с. 19; Ковалева, 1987, с. 22; Братченко, 1995, с. 87]. Так вот, одной из черт, сближающих эти культурные группы и позволяющих говорить об их своеобразной преемственности, является крайняя непредставительность обеих по части погребального приданого, граничащая с его полным отсутствием. По нашим подсчетам, 47,7% погребений Днепро-Донской бабинской группы вообще являлись безынвентарными. Для сравнения укажем, что по другим территориальным группам Бабино этот показатель оказывается еще более высоким.

Керамическая посуда. Широко известно мнение о том, что погребальные памятники бабинского круга вообще выделяются своей подавляющей бескерамичностью. Этот критерий даже был положен в основу выделения погребальных комплексов Бабино, хотя сразу же вызвал необходимость оговорок и введения исключений из правила [Писларий, 1982, с. 172-174, 187]. Насколько объективным является такое утверждение, позволяет судить фактический материал. А он свидетельствует, что из всего массива погребений Днепро-Донской бабинской культуры почти пятая часть (201 комплекс или 19%) сопровождалась сосудами. В

плане дополнительных комментариев приведем следующие данные. Так, в качестве емкости для напутственной пищи, находясь рядом с умершим в самой погребальной камере, сосуд присутствовал 193 раза. Еще 8 раз сосуд фиксировался снаружи камеры (на перекрытии, в заполнении, за деревянной рамой или каменным ящиком). Достоверно зафиксированы 2 случая нахождения в погребении преднамеренно разбитых сосудов. К этому следует добавить 26 случаев нахождения при погребении фрагментов керамики, как в камере, так и вне ее. Какие-то из них могли быть остатками несохранившихся сосудов в различных погребальных контекстах. В подавляющем большинстве случаев умершие сопровождалась одной керамической емкостью, лишь шесть раз – двумя (один из них предположительно).

Практика сопровождения умерших керамической посудой сравнительно равнозначно представлена в различных регионах Днепро-Донской бабинского ареала. Как видно из таблицы 3, в большинстве областей погребения с сосудами составляли от 10% до 18% от общего числа комплексов. Однако в Нижнем Поднепровье этот показатель заметно увеличивается (29-41%). Как показала проверка, увеличение это обусловлено присутствием здесь массива погребений с особым типом посуды – корчагами, поскольку при исключении их из подсчетов, удельный вес комплексов с сосудами в Днепропетровский, Запорожской и Херсонской областях снижается, соответственно, до 15,6%, 15,8% и 11%, т.е. до обычных для Днепро-Донской бабинской области показателей.

Таблица 3

Керамические сосуды в погребениях Днепро-Донской бабинской культуры (основной ареал)

Область	Количество	Удельный вес (%)
Волгоградская	2	7,7
Ростовская	36	15
Луганская	15	9,7
Донецкая	29	18
Харьковская	8	13
Полтавская	3	16,6
Днепропетровская	46	29
Запорожская	41	31
Херсонская	11	41

Деревянные емкости. Иногда погребения Днепро-Донской бабинской культуры, кроме керамических, сопровождалась и деревянными емкостями. Таких случаев зафиксировано 39, что составляет 3,6% от общей выборки. В одном случае могила содержала два деревянных сосуда. Известно мнение И.А. Пислария, согласно которому реальное количество деревянной посуды в погребениях было значительно большим, ибо она заменяла собой керамическую, при известной малочисленности последней в бабинских захоронениях. Дефицит же деревянных находок, по мнению исследователя, объясняется тем, что "не всегда условия способствовали их сохранности. Даже на стадии раскопок деревянные сосуды, не имевшие бронзовых накладок или скреп, могли быть не замечены среди дерева рухнувших перекрытий" [Писларий, 1995, с. 206]. Бесспорно, этот вывод имеет рациональное зерно, однако, абсолютизировать его не стоит. Приведенная выше статистика красноречиво свидетельствует о том, что удельный вес погребений с деревянными сосудами вряд ли отражает только неудовлетворительную сохранность этих изделий в археологических комплексах. Кроме того, в 7 погребениях деревянная посуда сочеталась с керамической. Со всей очевидностью можно заключить, что каждая из этих емкостей выполняла свои функции. Между тем, И.А. Писларий относил деревянную посуду из бабинских погребений к разряду только столовой и допускал ее использование "для подачи густых каш, мясной каши или других продуктов". По его мнению, посуда для напитков "могла быть изготовлена из кожи, дерева, глины" [Писларий, 1991, с. 58].

Имеющиеся у нас данные позволяют разделять рассматриваемые деревянные изделия из бабинских погребений на собственно посуду для пищи и емкости иного назначения, например, для хранения мелких вещей. На этом вопросе мы детальнее остановимся во второй части публикуемой серии, при классификации данной категории артефактов.

Заслуживает внимания то непреложное обстоятельство, что деревянная посуда в пределах культурной области Бабино встречается далеко неравномерно. Оказывается, что большая ее часть (около 70%) сосредоточена в памятниках Днепро-Донской бабинской культуры. Примечательно, что и в обобщающей работе по культуре многоваликовой керамики Украины С.С. Березанская упоминает деревянную посуду в материальном комплексе только восточного варианта [Березанская, 1986, с. 27]. В качестве дополнительного аргумента, подтверждающего выявленное обстоятельство, приведем карту (рис. 10), наглядно демонстрирующую сосредоточение основного массива погребений с деревянной посудой в междуречье Днепра и Дона.

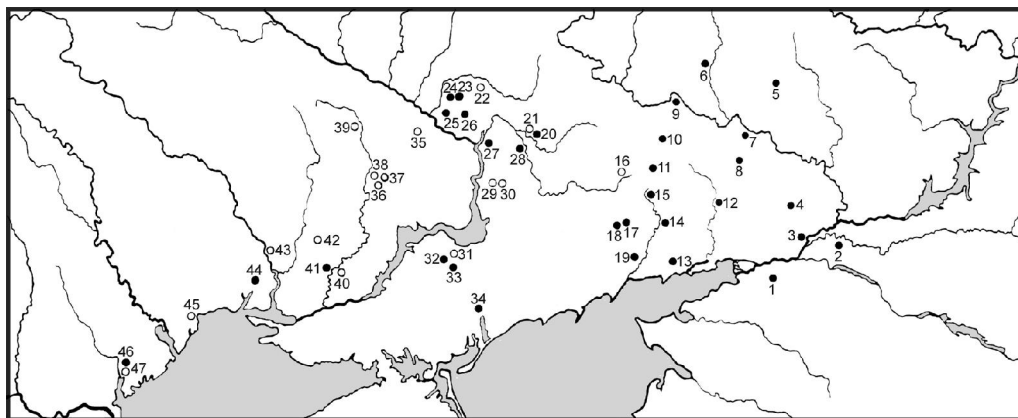

Рис. 10. Карта распространения деревянной посуды в памятниках круга Бабино: 1 – Аксай 1/3; 2 – Кузнецовский II 1/3; 3 – Поляков 4/2; 4 – Чикмари II 1/4; 5 – Нижнебараниковка 5/10; 6 – Новодонбасское 1/7; 7 – Поронские могилы 14/3; 8 – Македоново 1/8; 9 – Лисичанский НПЗ 2/12; 10 – Зайцево 1/1; 11 – Беева могила п.3; 12 – Дибровка 5/4; 13 – Самойлово 2/6; 14 – Новозарьевка 1/2; 15 – Высокое 3/5; 16 – Николаевка 1/8; 17 – Волноваха 1/2; 18 – Новоандреевка 1/1; 19 – Водяное 1/3; 20 – Благодарное VI 1/4; 21 – Вербки II 3/8; 22 – Пролетарское XXXII 3/4; 23 – Прядовка V 1/6; 24 – Прядовка VI 1/1; 25 – Новоподкряж I 1/1; 26 – Веселое XV 1/1; 27 – Александровка I 3/3; 28 – ш. Павлоградская V 1/6; 29 – Новогупаловка III 10/1; 30 – Новоукраинка II 3/12; 31 – М. Белозерка 12/2; 32 – Б. Белозерка 2/5; 33 – Новоалександровка 4/1; 34 – Новое 11/1; 35 – Боровковка 1/2; 36 – Камова могила п.3; 37 – Рыбасово 1/2, 3; 38 – Ремонтирская могила п.6; 39 – Головкивка 9/2; 40 – Павловка 27/2, 18; 31/1; 41 – Шарованская могила 3/2; 42 – Новоивановка 1/10; 43 – Новопетровское III 1/15; 44 – Ивановка 3/3; 45 – Слободка Романовка п.23; 46 – Белелесье 3/1; 47 – Кочковатое 28/2.

Условные обозначения: ● - деревянные изделия с металлическими деталями; ○ - изделия без металлических деталей

Завершая характеристику деревянной посуды в контексте погребального ритуала Днепро-Донской бабинской культуры, укажем на то, что во всех случаях она встречена в захоронениях взрослых индивидов, которые почти всегда отличались одним или несколькими признаками неординарности. В Днепровско-Прутской бабинской культуре, при общей редкости там деревянных сосудов, такой взаимосвязи не наблюдается.

Остатки самой напутственной пищи по известным причинам практически не сохраняются. Кроме малочисленной посуды, о них могут свидетельствовать еще и кости животных. С мясной пищей следует связывать далеко не всякие кости животных, находимые в могилах, как это необоснованно делают отдельные авторы. Из этой категории однозначно следует исключить особый ритуальный набор в виде головы и обрубленных ног крупных и мелких копытных (археологически фиксируемый в виде черепа и костей конечностей), о котором дополнительно будет сказано ниже. С мясной пищей можно связывать лишь находящиеся в непосредственной близости от останков умершего, мелкие кости животных, среди которых однажды найден бронзовый нож, надо предполагать, первоначально воткнутой в мясо [Братченко, 1985, с. 453; Писларий, 1991, с. 58]. Учитывая зачастую недостаточное внимание к такого рода объектам раскопок и крайний дефицит их археозоологических определений, пока трудно на основании остеологии установить устойчиво повторяющиеся, а значит типичные

для Днепро-Донской бабинской культуры, части туши, которые использовались в качестве напугивающей пищи. Одним из таких вариантов предварительно можно назвать вырезку около позвоночной части, которой, как будто, чаще сопровождали захоронения женщин [Литвиненко, Зарайская, 2004, с. 223, прим. 9].

Орудия труда. В днепро-донских бабинских погребениях встречаются изделия из различных материалов, относящиеся к орудиям труда. Известны они как в виде одиночных находок, так и в виде комплектов. Среди орудий назовем **каменные** песты (14 случаев), ступку (1), курант (1), плиты (9), абразивные плитки и бруски (11), выпрямители древков стрел и их заготовки (11), оселки (7), привязной молот (1), льячку? (1), тесло? (1), **кремневые** ножи (6), скребки (14), **костяные и роговые** проколки (4), отжимники-ретушеры (3), **медно-бронзовые** ножи (12), шилья (3), топор-тесло (1), долотце? (1), стамеску? (1). Возможно, с определенной долей вероятности и оговоркой в эту группу артефактов стоит причислять в качестве сырья, заготовок и полуфабрикатов единичные находки каменных галек (6), кремневых желваков (3), нуклеус (1), отщепы и пластины (92). Особо следует выделить так называемые "производственные наборы" инструментов различной специализации, хорошо известные по предшествующей эпохе катакомбных культур. Среди них наиболее надежно атрибутируются комплекты по изготовлению стрел (11), в меньшей степени – по деревообработке (3) и металлопроизводству (1) [Литвиненко, 1998а].

Судя по имеющимся данным, в том числе антропологическим определениям, орудия труда обычно сопровождали захоронения взрослых людей, чаще мужчин. Дифференцировать изделия по половой принадлежности удастся далеко не всегда. К достоверно мужским видам погребального приданого можно отнести лишь т.н. наборы "стрелочников", каменные оселки и орудия из металла. С хронологической точки зрения достаточно определенным является тот факт, что подавляющая часть достоверных орудий труда, в том числе "производственные наборы", сосредоточена в погребениях раннего этапа. На среднем и особенно позднем этапах подобный инвентарь встречается в захоронениях крайне редко и в слабо диагностируемых формах.

Оружие. Часть находок из бабинских погребений можно условно объединить в группу "оружие". К таковому более или менее уверенно отнесены лишь наконечники стрел, копий и дротика (?). Наиболее массово представлены наконечники стрел, выявленные в 27 погребениях (из них в 26 – кремневые, а в 1 – костяная). Большая часть захоронений содержала по одному наконечнику стрелы (19), в 2 комплексах находилось по два наконечника, в 2 комплексах – по четыре, в 1 – шесть, в 2 – по семь и в 1 – двенадцать. В шести комплексах характер залегания *in situ* и локализация находок позволяет интерпретировать их в качестве колчаных наборов (в одном из них сохранились следы самого кожаного футляра) [Братченко, 1989, с. 75, 76, рис. 5, 1-2; Берестнев, 2001, с. 68, рис. 49, 2-10; Полидович, 1993, с. 51, 81, рис. 25, 1; 26, 1; 50; 52, 1]. Среди погребений с одиночным наконечником стрелы в 7 комплексах достоверно зафиксировано нахождение последнего среди костей умершего: в грудной клетке (4 случая), в тазе (1) или ноге (2). Такой контекст дает основание интерпретировать наконечник стрелы в качестве орудия ранения или убийства человека, а не инвентаря погребения. Заметим, что в двух из упомянутых случаев представлены наконечники бабинского типа (с выемкой в основании), а в пяти случаях – чужие (3 черешковых и 2 листовидных).

Редкими находками в составе бабинского погребального инвентаря являются кремневые наконечники копий (4 комплекса) и дротика? (1 комплекс). В двух случаях копья сочетались с колчанными наборами, что подтверждает близость их семиотической нагрузки и функционального назначения.

Почти во всех случаях перечисленные категории оружия присутствовали в захоронениях взрослых мужчин, в трех случаях – женщин, что представляется неслучайным. Большая часть из рассмотренных комплексов относится к раннему периоду Днепро-Донской культуры Бабино (25), меньшая – к среднему (3) и позднему (1). Для сопоставления укажем, что в погребениях Днепровско-Прутской бабинской культуры наконечники стрел встречаются значительно реже, к тому же лишь в виде одиночных экземпляров, а не колчаных наборов.

Инсигнии власти. Небольшая серия находок из Днепро-Донских бабинских погребений условно выделена в группу "инсигнии власти". К таковым, в первую очередь, причислены каменные наконечники булавы и топоров-молотков. Крайне редким атрибутом можно считать булавы, встреченные всего лишь три раза: Устьман 3/2 Ростовской обл., Трехизбенка 1/4 Луганской обл., Гнаровское 1/3 Запорожской обл. [Шарафутдинова, 1987, с. 36-37, рис. 3, 1-2; Гладких и др., 1974, с. 259; Ляшко, 1983, с. 285]. Топоры-молотки присутствовали в семи захоронениях: Керчик-Гать III 16/5, Репный I 7/10, Четыре брата II 12/10 Ростовской обл.; Бирюково 2/2 Луганской обл.; Балабино 1/2 Запорожской обл.; Близнецы 1/1, Хашево III 2/12 Днепропетровской обл. [Труды ..., 1999, с. 19, рис. 40, 1-4; Глебов, 2004, с. 95-97, рис. 27-28; Романовская, 1975, с. 127; Баллонов, 1974, с. 245; Антонов, 1998; Крылова, 196; Ковалева и др., 1979, с. 7, рис. 3, 1-2]. Отметим также одно захоронение, сопровождавшееся, вероятно, железом с костяным наконечником, деревянная рукоятка которого была украшена бронзовыми скобочками и гвоздиками: Камышеваха 8/3 Донецкой обл.⁷ [Городцов, 1907, с. 364-365, рис. 99]. Последнюю находку можно считать нетипичной для памятников круга Бабино вообще, в отличие, например, от комплексов Доно-Волжской абашевской и срубной культур, где инсигнии власти с костяными наконечниками являются вполне привычным атрибутом [Отрошенко, 1993; Цимиданов, 1997, с. 86-87]. Как правило, погребения с инсигниями власти отличались и другими дополнительными признаками социальной неординарности (индивидуальные курганные насыпи и досыпки, крупные и усложненные могильные сооружения, "избыточный" инвентарь, "шкурты" животных). Примечательно, что исключительно все они принадлежали индивидам мужского пола. Однако, на фоне количественно преобладающих захоронений взрослых мужчин, выделяются погребение подростка 14-17 лет (Керчик-Гать III 16/5) и мальчика (Четыре брата II 12/10) – оба с топорами-молотками.

Украшения и детали одежды. Особую группу погребального приданого составляют находки, в некоторой степени характеризующие гарнитур украшений и одежды бабинского населения. Пожалуй, наиболее массовой категорией такого рода свидетельств являются различного типа роговые и костяные поделки с круглым отверстием посередине, часто по традиции называемые "поясными пряжками". Эти находки встречены в 182 погребальных комплексах Днепро-Донской бабинской культуры (17,2%). Как правило, в индивидуальной могиле присутствует одно такое изделие. Однако в 3 погребениях их встречено по два, а в 1 погребении – даже три. Местоположение находок весьма разнообразно и, как выявляется, имеет свои незначительные особенности для различных типов рассматриваемых изделий. Заметим, что значительнее всего тяготеют к области таза самые ранние, кольцевые, экземпляры, хотя и они имеют свои особенности локализации, располагаясь в большинстве своем ниже поясицы, на уровне крыльев таза. Более поздние экземпляры (круглые с бортиком и овальные с дополнительным отверстием) чаще всего фиксировались перед костяком, в районе между согнутыми руками и ногами, особо тяготея к локтю левой руки и коленям. Некоторые позиции менее представительны, однако также обнаруживают определенную сериацию (на груди, возле лопаток, у черепа). Таким образом, приведенные факты не позволяют безоговорочно считать эти изделия пряжками поясного ремня и склоняют нас к точке зрения, согласно которой кольцевидные предметы следует рассматривать в качестве деталей костюма, носившихся в различных его местах, в том числе, будучи подвешенными или иным образом прикрепленными на поясе. Исходя из этого, применяемое к рассматриваемым изделиям название "пряжки" представляется не корректным, а потому в перспективе требует замены, например, на "медальоны", "подвески" или "бляхи".

Рассматриваемые изделия встречаются в погребениях всех возрастных категорий, начиная от детей раннего возраста и заканчивая взрослыми преклонных лет, хотя, безусловно, тяготеют к взрослым. Как неоднократно отмечалось исследователями, они чаще всего приурочены к мужским захоронениям. Однако только по Днепро-Донской группе Бабино известно 10 случаев сопровождения кольцевидными медальонами-подвесками захоронений женщин, причем для различных хронологических горизонтов. Подобные случаи известны и для других локальных групп Бабино. Данное обстоятельство не позволяет считать коль-

⁷ Привязка дана в соответствии с современным административно-территориальным делением.

цевидные изделия особым маркером мужского пола [детальнее об этом см.: Литвиненко, 2004б, с. 274-275].

А вот действительные поясные (ременные) пряжки, с планкой и крючком, в погребениях встречаются достаточно редко. На сегодня таковых известно 13 экземпляров, происходящих из 12 комплексов: Новолакедемоновка п.10 Ростовской обл., Александровск 1/4, Приволье 1/5 Луганской обл., Беева Могила п.3, Донецк 4/19, Камышеваха 5/1 (2 пряжки), Новоамвросиевка 3/2, Новоандреевка 4/1, Новотроицкое III 3/11, Старомихайловка Донецкой обл., Терны II 4/17 Днепропетровской обл., Новогупаловка III 10/2 Запорожской обл. [Ильюков, Казакова, 1988, с. 53-55, рис. 13, 1-3; Братченко, 1985, с. 453, рис. 123, 7, 11-12; Кульбака, Качур, 2002, с. 51, рис. 19, 1-3; Полидович, 1993, с.80-81, рис. 49-52; Городцов, 1907, с. 356-357; Шаповалов, Колесник, 1972, с. 69, рис. 3-4; Клименко, 1998, с. 85, рис. 26, 3-5, 9; Список памятников ..., 1988, с. 21, рис. 9, 2; Латынин, 1967, с. 27-28, рис. 26; Ковалева и др., 1987, с. 20, рис. 6, 11-13; Гершкович, 1986]. Все перечисленные погребения принадлежали взрослым мужчинам и в большинстве случаев характеризовались признаками высокого социального ранга. Несмотря на то, что географически комплексы с поясными пряжками охватывают большую часть Днепро-Донецкого междуречья, бросается в глаза их повышенная концентрация в пределах Центрального Донбасса (8 из 13 находок происходят с территории современной Донецкой обл.).

Набор других украшений сравнительно немногочислен. Судя по археологическому контексту, он может быть разделен на украшения головы, шеи и рук. К украшениям головы или головного убора относятся металлические кольца-подвески нескольких разновидностей, традиционно называемые височными. Обнаружены они в 8 погребениях, обычно в парном количестве. Из этих комплексов 6 относятся к раннему, а 2 – позднему периодам культуры Бабино. Данная категория украшений представлена во всех возрастных категориях. Кроме того, имеются основания считать ее более характерной для гарнитура мужчин, поскольку по своим обрядово-инвентарным признакам 6 погребений относились к мужским и только 1 – к женским (1 – неопределенное). Такая ситуация представляется вполне закономерной и является продолжением местной традиции среднебронзового века [Братченко, 2004, с. 174, рис. 86].

Шейные украшения включают металлические гривны и наборные ожерелья, состоящие из пастовых (фаянсовых), каменных, костяных, металлических бус и пронизей различных типов, просверленных клыков собачьих хищников, костяных подвесок и металлических очковидных подвесок. Металлические (условно бронзовые) гривны встречены лишь в 4 погребениях раннего хронологического горизонта. Исходя из большой редкости находок, можно предположить довольно высокий социальный статус их обладателей, что подтверждается и другими характеристиками перечисленных комплексов. Примечательно и то, что все они по своим обрядово-инвентарным признакам относятся к мужским. Однако, вместе с этим, имеется одно удивительное, на первый взгляд, обстоятельство, требующее своего объяснения: все гривны сопровождали захоронения мальчиков и подростков (для последних имеются антропологические определения возраста: 14-17 и 15-20 лет).

Наборные шейные ожерелья, напротив, являлись типичным украшением представительниц женского пола. Впрочем, обеспечена ими была лишь третья часть захоронений (известно 25 комплексов из 74 соответствующей обрядовой группы раннего горизонта, поскольку на позднем этапе такое украшение не встречается). Основную часть практически всех ожерелий составляют фаянсовые бусы нескольких разновидностей (иногда более сотни экземпляров в одной низке), значительно реже в наборы добавлены бронзовые пронизы (4 комплекса), бусины из сердолика и кости (по 3 комплекса), одна-две пары костяных подвесок (2 комплекса). Очень редким и, очевидно, престижным украшением, входившим в состав шейных женских ожерелий, являлись бронзовые очковидные подвески, встреченные лишь в 3 захоронениях. Принятое в Днепро-Донской бабинской культуре ношение очковидной подвески на шее (на груди) отвечает традиции средневропейских шнуровых и постшнуровых культур и отличается от способа украшения ими костюма в среде восточных культур абашевского круга.

С уверенностью можно утверждать, что в мужском гарнитуре шейные ожерелья не получили широкого распространения, поскольку встречены они лишь в 9 погребениях из 136 с определенным полом. Показателен и тот факт, что украшения этой категории из мужских могил значительно уступают по составу и разнообразию соответствующим женским. Так, из трех погребений, содержащих пастовые бусы, в двух зафиксировано лишь по одной бисеринке. Из трех погребений, включавших в состав инвентаря просверленные клыки хищника, два содержали их по одному экземпляру. Четыре раза встречены бронзовые пронизи.

Украшения рук представлены наборными браслетами, состоящими из низок пастовых бусин. Есть основания говорить о том, что иногда пастовым бисером обшивалась одежда, в частности головной убор и рукава. Все эти случаи связаны исключительно с женскими погребениями, в том числе девочек младшего детского возраста.

Таким образом, для Днепро-Донской бабинской культуры к настоящему времени уже накоплено достаточно данных, позволяющих судить о некоторых особенностях собственно мужского и женского гарнитуров украшений и одежды. По большинству категорий украшений можно говорить лишь в тенденции их использования представителями различных полов, однако выделяются и достаточно надежные, хотя и немногочисленные, маркеры, такие как металлические гривны – для мужских и очковидные подвески – для женских комплексов.

Астрагалы и "игральные" наборы. Сравнительно часто в погребениях Днепро-Донской бабинской группы встречаются астрагалы животных (47 комплексов). Судя по немногочисленным доступным нам археозоологическим определениям О.П. Журавлева, в большинстве случаев это таранные кости овцы, реже козы, еще реже свиньи (в том числе дикой) и сайгака. Общие статистические сведения о погребениях с астрагалами даны в таблице 4.

Таблица 4

Астрагалы животных в погребениях Днепро-Донской бабинской культуры

Количество астрагалов	1	2	3	6	7	8	11	12	15	18	>20	32	35	36	>50	76	100	110	138	150	
Взрослые	5																				
Мужчины	5																				
Женщины	2											1									
Подростки	1			1						1					1			1	1		
Дети	4		2	1			1		1				1	2		1	1				1
Неопр. пол			1	1	1	1		1				1									
ВСЕГО	17	3	3	3	1	1	1	1	1	1	1	2	1	2	1	1	1	1	1	1	1

Как видно из приведенных данных, количество астрагалов в могиле сильно варьирует: от 1 до 150. Однако чаще всего встречается 1 астрагал. При некоторой повторяемости случаев с 2, 3 и 6 астрагалами, серийными их не назовешь. И практически единичными следует признать все остальные варианты. Несмотря на то, что астрагалы встречаются в захоронениях всех половозрастных категорий, можно заметить достаточно определенную корреляцию между возрастом умершего и количеством сопровождаемых его астрагалов. Так, для погребений взрослых обоих полов типичным следует признать наличие 1 астрагала. А для погребений детей и подростков едва ли не правилом являлось помещение в могилу целого набора астрагалов, нередко довольно большого, состоящего из нескольких десятков, а то и сотни-полутора костей.

В составе такого крупного набора, сопровождавшего погребение подростка, однажды встречено костяное изделие, выполненное из проксимальной фаланги крупного копытного путем заточки на конус ее дистального конца и просверливания проксимальной суставной поверхности (Хамуш-Оба 2/8 Донецкой обл.) [Посредников и др., 1991]. Подобный конус, как будто, происходит еще из одного, детского, погребения с достаточно большим набором астрагалов и бабок (Четыре брата-II 12/10 Ростовской обл.) [Романовская, 1975, с. 127]. Третий конус найден в частично разрушенном детском погребении Юдинский III 2/7 Ростовской обл. [раскопки В.В. Яценко, 1997]. Примечательно, что аналогичные конусы известны в составе инвентаря детских погребений Лолинской культуры Северо-Западного Прикаспия, где они иногда также сочетались с астрагалами [Литвиненко, 2004, с. 106]. Определение функ-

ционального назначения этих предметов пока не представляется возможным. Однако очевидна их связь с детскими комплектами астрагалов-альчи́ков. Комплекс обстоятельств (преднамеренная сточенность боковых граней астрагалов, наличие конусов-фишек(?) и даже специальной каменной плиты, приуроченность к детско-подростковой группе) и также имеющиеся параллели [Ковалева, 1990; Цимиданов, Чаур, 1997; Цимиданов, 2001] позволяют рассматривать эти артефакты в качестве специальных (игральных, гадальных?) наборов, возможно, знаков особого статуса.

Останки ритуальных животных.

Как отмечалось выше, при характеристике погребального обряда Днепро-Донской бабинской культуры следует четко разграничивать отличающиеся по набору и археологическому контексту объекты, включающие кости животных. Наряду с немногочисленными случаями выделения среди них собственно мясной напутственной пищи⁸, в погребальных комплексах сравнительно чаще встречаются особые наборы из черепов и конечностей домашних копытных (зафиксированы в 10% погребений). Учитывая дефицит археозоологических определений, трудно говорить о предпочтениях в выборе животных для этих ритуальных объектов, однако в предварительном плане можно говорить, что чаще здесь представлены особи крупного, реже – мелкого рогатого скота, еще реже – лошади. Сами наборы, археологически фиксируемые в виде черепа и уложенных рядом костей конечностей, отчлененных в коленных суставах, обычно размещались в пределах могильного сооружения, однако, вместе с тем, сепаратно от умершего: на перекрытии, между стенкой рамы и ямы, на заплечиках ямы, у края ямы на уровне впуска и т.п. (рис. 6, 1, 5-9). По отношению к телу покойника, рассматриваемые объекты размещались почти во всех возможных позициях, хотя при этом выявляются определенные тенденции. В частности, почти в половине выявленных случаев (49,5%) комплект "голова–ноги" располагался перед умершим, в очередной раз, подтверждая особую значимость в бабинском погребальном ритуале северного направления; еще треть случаев (33,7%) связана с размещением костей в ногах умершего; остальные позиции, когда череп с ногами располагался за спиной (13,7%) и в головах (3,1%) сравнительно немногочисленны и могут считаться нетипичными. Как правило, умершего сопровождал один подобный набор, хотя в нескольких случаях отмечено по два комплекта, причем иногда относящихся к разновидовым животным, например, крупному и мелкому копытному.

Рассматриваемые наборы костей, вслед за М.П. Грязновым [Грязнов, 1977, с. 82], принято связывать с остатками "шкур" или "чучел" животных. Учитывая сходный контекст и формопроявление данного элемента погребального обряда в сменяющих одна другую катакомбной, бабинской и срубной культурной среде Днепро-Донской области, есть основания полагать, что на протяжении эпохи средней и поздней бронзы "шкур" животного в погребальной парадигме несли близкую, если не одинаковую, семиотическую нагрузку [Самойленко, 1990, с. 104; Литвиненко, 1997]. Относительно интерпретации этих объектов существуют различные мнения. Вслед за Н.Н. Чередниченко [Чередниченко, 1986, с. 52], считаем, что наименее убедительным является отнесение головы и ног животного к категории напутственной пищи [Березанская, 1986, с. 25-26; Ковалева, 1981, с. 43-44; 1989, с. 56]. Сложно дать однозначную оценку точке зрения, согласно которой "шкур" животных связаны с жертвоприношениями, однако это не исключено, особенно если речь идет о находках на подкурганых площадках [Братченко, 1976, с. 34; Ковалева, 1981, с. 44, 63-64; 1989, с. 49, 56; Чередниченко, 1986, с. 52, 57-58; Писларий, 1991, с. 57, 58; Зданович, 2005]. Что же касается находок "шкур" домашних животных в могильном сооружении, то нам импонируют своей обоснованностью и логикой подходы, рассматривающие данные наборы в качестве имитации самого животного в контексте так называемых обрядов перехода, в частности преодоления покойником пути в потусторонний мир [Отрошенко, 1989, с. 9; Смирнов, 1996, с. 117-118; Литвиненко, 1997, с. 11; Гей, 1999, с. 103-105; Кияшко, 2001, с. 100; 2002, с. 70]. Несмотря на имеющиеся между отдельными авторами расхождения в деталях интерпрета-

⁸ В данном случае не берутся во внимание крайне малочисленные находки костей животных в заполнении керамических сосудов, позволяющие предполагать первоначальное помещение в эти емкости жидкой пищи, приготовленной на основе мясного бульона.

ции, на наш взгляд несколько надуманные, важно, что сторонники данного направления единодушно рассматривают комплект "голова–ноги" как воплощение животного, сопровождающего умершего человека в мир иной.

Как уже отмечалось, "шкуры" животных укладывали не только в могилы, но и на подкурганые площадки. Такие случаи достоверно зафиксированы примерно в полутора десятках курганов (1,8% от общего количества насыпей с бабинскими погребениями, или 26% от количества собственно бабинских насыпей и досыпок). Учитывая методику раскопок курганов насыпей механизмами, характер и качество фиксации при этом объектов в насыпи и на древнем горизонте, можно прогнозировать, что в реальности частота сопровождаемости бабинских погребений "шкурами" на подкурганых площадках была несколько выше. Чаще (11 случаев) на поверхности подкурганной площадки укладывалось по одной шкуре быка или коня. Реже отмечено положение на площадке двух (2 случая) или трех шкур (2 случая). Однажды зафиксировано размещение на древнем горизонте и в насыпи не менее восьми черепов и шкур крупных копытных (Новогупаловка II к.6) [Рассамакин и др., 1982]. Известен также случай помещения шкур ритуальных (жертвенных) животных в специально вырытые ямы – бофры (Губиниха II к.3) [Ковалева, 1988, с.25-26].

Рассмотренные выше варианты использования в погребальном обряде ритуальных животных являются еще одной отличительной особенностью именно Днепро-Донской бабинской культуры, ибо они полностью отсутствуют в памятниках других региональных групп, в частности Крыма, а также степного и лесостепного вариантов Днепровско-Прутской бабинской культуры.

Выводы.

Подводя итог первому разделу характеристики бабинских памятников Днепро-Донской области, можно констатировать, что перед нами достаточно определенно вырисовывается культурный комплекс, занимающий четко очерченную территорию и обладающий присущим только ему набором признаков, устойчиво повторяющимся в замкнутых археологических комплексах. По всем этим параметрам исследуемый комплекс не только не совпадает с характеристиками предшествующих катакомбных и последующих срубных культур, но также выделяется на фоне других посткатакомбных образований Степи и Лесостепи, тем самым, давая убедительные основания для выделения на юге Восточной Европы самостоятельного археологического феномена, который мы предлагаем именовать **Днепро-Донской бабинской культурой**. Дальнейшее обоснование этого положения, при котором будет дана характеристика материальной культуры, периодизация и хронология изучаемых памятников, предполагается дать в следующей публикации настоящей серии.

Список использованных источников

1. Антонов А.Л. Топор бородинского типа из погребения КМК у с. Балабино // Проблемы изучения катакомбной культурно-исторической общности (ККИО) и культурно-исторической общности многоваликовой керамики (КИОМК). – Запорожье, 1998а. – С. 105-108.
2. Балонов Ф.Р. Раскопки Гашинских курганов // АО 1973 г. – М.: Наука, 1974. – С. 244-245.
3. Березанская С.С. Основные результаты изучения культуры многоваликовой керамики // Проблемы эпохи бронзы юга Восточной Европы: Тез. докл. конф. – Донецк, 1979. – С. 4-6.
4. Березанская С.С. Культура многоваликовой керамики // Культуры эпохи бронзы на территории Украины. – К.: Наук. думка, 1986. – С. 5-43.
5. Берестнев С.И. Восточнукраинская лесостепь в эпоху средней и поздней бронзы (II тыс. до н.э.). – Харьков: ПФ Амет, 2001. – 264 с.
6. Берестнев С.И. К вопросу о памятниках многоваликовой общности в лесостепи Восточной Украины // Бронзовый век Восточной Европы: характеристика культур, хронология и периодизация: Матер. междунар. науч. конф. - Самара, 2001а. – С. 169-172.
7. Братченко С.Н. Багатошарове населення Лівенцівка I на Дону // Археологія. – 1969. – Т.22. – С. 216-231.
8. Братченко С.Н. Нижнее Подонье в эпоху средней бронзы. – К.: Наук. думка, 1976. – 251 с.
9. Братченко С.Н. Лук і стріли доби енеоліту – бронзи Півдня Східної Європи // Археологія. – 1989. – № 4. – С. 70-82.

10. Братченко С.Н. Второй и шестой николаевские курганы на Луганщине // Древности Степного Причерноморья и Крыма. – Т. II. – Запорожье, 1991. – С. 52-62.
11. Братченко С.Н. Соотношение каменной и бронзовой индустрий в энеолите и бронзовом веке // Донские древности. – Вып. 4. – Азов, 1995. – С. 79-92.
12. Братченко С.Н. Могилы бронзовой доби в бассейне р. Деркул // Материалы и исследования по археологии Восточной Украины. – № 1. – Луганск, 2003. – С. 162-225.
13. Братченко С.Н., Шапошникова О.Г. Катакомбная культурно-историческая общность // Археология Украинской ССР: В 3 т. – К.: Наук. думка, 1985. – Т. 1. – С. 403-420.
14. Гей А.Н. О некоторых символических моментах погребальной обрядности степных скотоводов Предкавказья в эпоху бронзы // Погребальный обряд. Реконструкция и интерпретация древних идеологических представлений. – М.: ИФ "Восточная литература" РАН, 1999. – С. 78-113.
15. Гершкович Я.П. Культурно-хронологические группы погребений эпохи средней-поздней бронзы кургана у с. Пришиб // Материалы по хронологии археологических памятников Украины. – К.: Наук. думка, 1982. – С. 46-61.
16. Гершкович Я.П. Фигурные поясные пряжки культуры многоваликовой керамики // СА. – 1986. – № 2. – С. 132-146.
17. Гладких М.И., Писларий И.А., Кротова А.А., Гераськова Л.С., Швецов М.Л. Работы Северскодонецкой экспедиции // АО 1973 г. – М.: Наука, 1974. – С. 259-260.
18. Глебов В.П. Исследования курганных могильников Репный I, Раскатный I, Калинов II // Труды Археологического научно-исследовательского бюро. – Т. 1. – Ростов-на-Дону, 2004. – С. 57-186.
19. Городцов В.А. Результаты археологических исследований в Бахмутском уезде Екатеринославской губернии 1903 г. // Труды XIII Археологического съезда: В 3 т. – М., 1907. – Т. 1. – С. 211-365.
20. Грязнов М.П. Бык в обрядах и культах древних скотоводов // Проблемы археологии Евразии и Северной Америки. – М.: Наука, 1977. – С. 80-88.
21. Добровольский А.В. Поселение бронзового века Бабино III // КСИА АН УССР. – 1957. – Вып. 7. – С. 40-48.
22. Зданович Д.Г. Жертвоприношения животных в погребальном обряде населения степного Зауралья эпохи средней бронзы: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Екатеринбург, 2005. – 23 с.
23. Иванова С.В., Петренко В.Г., Ветчинникова Н.Е. Курганы древних скотоводов междуречья Южного Буга и Днестра. – Одесса, 2005. – 205 с.
24. Ильюков Л.С., Казакова Л.М. Курганы Миусского полуострова. – Ростов-на-Дону, 1988. – 166 с.
25. Кияшко А.В. О восточных пределах распространения раннекатакомбного обряда на территории Волго-Донского междуречья // Материалы по археологии Волго-Донских степей. – Вып. 1. – Волгоград, 2001. – С. 91-109.
26. Кияшко А.В. Культурогенез на востоке катакомбного мира. – Волгоград, 2002. – 268 с.
27. Клименко В.Ф. Курганы юга Донетчины. – Енакиеве, 1998. – 220 с.
28. Ковалева И.Ф. Север Степного Поднепровья в среднем бронзовом веке. – Днепропетровск: Изд-во ДГУ, 1981. – 78 с.
29. Ковалева И.Ф. История населения пограничья лесостепи и степи Левобережного поднепровья в позднем энеолите – бронзовом веке: Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. – К., 1987. – 34 с.
30. Ковалева И.Ф. История населения пограничья лесостепи и степи Левобережного поднепровья в позднем энеолите – бронзовом веке: Рукопись дис. ... д-ра ист. наук: В 2 т. – К., 1987а. – Т. I. – 609 с; Т. II. – 161 с. // Научный архив ИА НАН Украины. – Ф. 12. – № 653.
31. Ковалева И.Ф. Культурные комплексы так называемых длинных курганов эпохи бронзы // Археологические памятники Поднепровья в системе древностей Восточной Европы. – Днепропетровск, ДГУ, 1988. – С. 20-33.
32. Ковалева И.Ф. Срубные погребения с наборами альчиков // Исследования по археологии Поднепровья. – Днепропетровск: ДГУ, 1990. – С. 59-71.
33. Ковалева И.Ф. Соотношение культур многоваликовой керамики и срубной в Днепровском Предстепье // Сабатиновская и срубная культуры: проблемы взаимосвязей востока и запада в эпоху поздней бронзы: Тез. докл. 1-го Всесоюзного полевого семинара. – Киев; Николаев; Южноукраинск, 1997. – С. 10-11.
34. Ковалева И.Ф., Марина З.П., Чернявская Н.В., Никитин С.В. Курганный могильник эпохи бронзы у с. Хашевое // Курганные древности Степного Поднепровья (III-I тыс. до н.э.). – Днепропетровск: ДГУ, 1979. – С. 5-24.
35. Ковалева И.Ф., Андросов А.В., Шалобудов В.Н., Шахров Г.И. Исследование курганов группы "Долгой могилы" у с. Терны в Приорелье // Памятники бронзового и раннего железного веков Поднепровья. – Днепропетровск: ДГУ, 1987. – С. 5-27.
36. Козачок Н.Л. Памятники эпохи бронзы на о. Хортица // Древности Степного Причерноморья и Крыма. – Запорожье, 1991. – Вып. II. – С. 82-94.

37. Колотухин В.А., Тоцев Г.Н. Курганные древности Крыма. III (по материалам раскопок Северо-Крымской экспедиции в 1983-1986 гг. Сакский район Крымской области). – Запорожье, 2000. – 245 с.
38. Кульбака В., Качур В. Давні індоєвропейці України в світлі новітніх археологічних досліджень. – Маріуполь, 2002. – 94 с.
39. Латынин Б.А. Молодочковидные булавки, их культурная атрибуция и матировка // АСГЭ. – Вып.9. – Л., 1967. – 96 с.
40. Литвиненко Р.А. О курганном обряде в эпоху средней и поздней бронзы Донетчины // Проблемы исследования памятников археологии Северского Донца: Тез. докл. обл. науч.-практ. конф. – Луганск, 1990. – С. 80-83.
41. Литвиненко Р.А. Об одной параллели в погребальном обряде скотоводческих племен эпохи бронзы Днепро-Донецкого региона // Матеріали вузівської наукової конференції професорсько-викладацького складу за підсумками науково-дослідницької роботи. – Донецьк, 1997. – Кн.1. – С. 10-13.
42. Литвиненко Р.А. Динамика расселения племен КМК в бассейне Нижнего Дона // Проблемы археологии Юго-Восточной Европы: Тез. докл. VII донской археол. конф. – Ростов-на-Дону, 1998. – С. 48-50.
43. Литвиненко Р.А. Погребения КМК с производственным инвентарем // Проблемы изучения катакомбной культурно-исторической общности (ККИО) и культурно-исторической общности многоваликовой керамики (КИОМК). – Запорожье, 1998а. – С. 97-105.
44. Литвиненко Р.А. К оценке культуры многоваликовой керамики Левобережной украинской лесостепи // Проблемы истории и археологии Украины: Тез. докл. науч. конф. – Харьков, 1999. – С. 9-10.
45. Литвиненко Р.А. Об одном типе посуды культуры многоваликовой керамики // Матеріали міжнародної археологічної конференції "Етнічна історія та культура населення степу та лісостепу Євразії (від кам'яного віку по ранне середньовіччя). – Дніпропетровськ, 1999а. – С. 83-86.
46. Литвиненко Р.А. Каменная курганная архитектура культуры многоваликовой керамики // Археология и древняя архитектура Левобережной Украины и смежных территорий. – Донецк: Східний видавничий дім, 2000. – С. 12-19.
47. Литвиненко Р.О. До оцінки джерельної бази культури багатовалякової кераміки (Бабине) // Проблеми історії та археології України: Матер. міжнарод. науч. конф. – Харьков, 2001. – С. 22-23.
48. Литвиненко Р.А. Культура Бабино (многоваликовой керамики) и ее место в системе бронзового века юга Восточной Европы // Бронзовый век Восточной Европы: характеристика культур, хронология и периодизация: Матер. междунар. науч. конф. – Самара, 2001а. – С. 161-169.
49. Литвиненко Р.А. О рубеже катакомбной культуры и КМК (Бабино) в бассейне Северского Донца // Донецкий археологический сборник. – Вып.9. – Донецк, 2001б. – С. 165-181.
50. Литвиненко Р.А. К истории изучения бабинской культуры // Археология восточноевропейской лесостепи. – Вып.16: Археология в российских университетах. – Воронеж, 2002. – С. 78-89.
51. Литвиненко Р.А. Бабинская культура (многоваликовой керамики): "плод массовой фантазии" или археологическое явление // Археология восточноевропейской лесостепи. – Вып.17: Доно-Донецкий регион в эпоху бронзы. – Воронеж, 2003. – С. 142-147.
52. Литвиненко Р.О. Культурно-таксономічний статус пам'яток типу Бабине III // Історичні і політологічні дослідження. – Донецьк, 2003а. – № 3/4 (15/16). – С. 38-45.
53. Литвиненко Р.А. Восточная периферия бабинского очага культурогенеза // Проблемы археологии Нижнего Поволжья: Тез. докл. I Междунар. Нижневолжской археол. конф. – Волгоград, 2004. – С. 102-108.
54. Литвиненко Р.О. Курганне будівництво бабинської культури // Древности 2004. – Харьков, 2004а. – С. 17-22.
55. Литвиненко Р.А. "Пряжки" и колесничество: проблема соотношения // Матеріали та дослідження з археології Східної України. – № 2. – Луганськ, 2004б. – С. 257-290.
56. Литвиненко Р.О. Регіональні особливості курганного будівництва бабинської культури // Історичні і політологічні дослідження. – Донецьк, 2004в. – №4(22). – С. 29-38.
57. Литвиненко Р.А. Опыт выявления пространственно-семантических структур в погребальном обряде культуры Бабино // Структурно-семиотические исследования в археологии. – Т.2. – Донецк: ДонНУ (в печати).
58. Литвиненко Р.А., Зарайская Н.П. Курган эпохи бронзы у с. Запорожец (бассейн Кальмиуса, Северо-Восточное Приазовье) // Археологический альманах. – № 14. – Донецк, 2004. – С. 203-232.
59. Луговая Л.Н., Шилов Ю.А. Михайликовский курган раннесрубного времени // Археологические исследования на Полтавщине. – Полтава, 1990. – С. 43-56.
60. Ляшко С.Н. Раскопки курганов в Днепровском Надпорожье // АО 1981 г. – М.: Наука, 1983. – С. 284-285.

61. *Отрощенко В.В.* Идеологические воззрения племен эпохи бронзы на территории Украины (по материалам срубной культуры) // Обряды и верования древнего населения Украины. – К.: Наук. думка, 1989. – С. 5-17.
62. *Отрощенко В.В.* О ранней обрядовой группе погребений культуры многоваликовой керамики в Левобережной Украине // История и археология Слободской Украины: Тез. докл. и сообщ. Всеукр. конф. – Харьков, 1992. – С. 163-165.
63. *Отрощенко В.В.* Клейноды зрубного суспільства // Археологія. - 1993. - №1. - С. 101-109.
64. *Отрощенко В.В.* Проблеми періодизації культур середньої та пізньої бронзи півдня Східної Європи (культурно-стратиграфічні зіставлення). – К., 2001. – 288 с.
65. *Отрощенко В.В., Болдин Я.И., Гошко Т.Ю., Ляшко С.Н., Ковалев Н.В., Кравченко С.Н., Пустовалов С.Ж., Рассамкин Ю.Я., Салий Н.Г., Савовский И.П.* Отчет о раскопках Запорожской экспедиции в 1981 г. // Научный архив ИА НАН Украины. – № 1981/10. – 248 с.
66. *Писларий И.А.* Отчет об исследованиях Северско-Донецкой экспедиции. Курганы у с. Суходол, г. Молодогвардейск Краснодонского р-на, сс. Чернухино, Провалье, Бирюково, Дарьино-Ермаковка Свердловского р-на Ворошиловградской обл. // Научный архив ИА НАН Украины. – № 1979/14.
67. *Писларий И.А.* О методе проверки однородности массива археологических исследований. – Киев: Наук. думка, 1982. – С. 169-193.
68. *Писларий И.А.* Культура многоваликовой керамики Восточной Украины: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. – М., 1983. – 22 с.
69. *Писларий И.А.* Проблемы изучения курганного обряда в эпоху бронзы на территории Донбасса // Актуальные проблемы охраны и исследований археологических памятников в Центральном Донбассе: Тез. докл. обл. науч.-практич. конф. – Перевальск, 1988. – С. 12-15.
70. *Писларий И.А.* Погребальный обряд племен культуры многоваликовой керамики // Древняя история населения Украины. – Киев, 1991. – С. 52-66.
71. *Писларий И.А.* Деревообработка в эпоху средней бронзы в лесостепи Восточной Украины // Хозяйство древнего населения Украины: В 2 ч. – К., 1995. - Ч.2. - С. 196-210.
72. *Полидович Ю.Б.* Новые погребальные памятники эпохи бронзы с территории Донецкой области // Археологический альманах. – № 2. – Донецк, 1993. – С. 35-97.
73. *Посредников В.А., Кравец Д.П., Евглевский А.В., Литвиненко Р.А., Зарайская Н.П., Косиков В.А.* Отчет о работах новостроечной экспедиции Донецкого университета в 1991 г. // Научный архив ИА НАН Украины. – № 1991/133.
74. Проблемы изучения катакомбной культурно-исторической общности (ККИО) и культурно-исторической общности многоваликовой керамики (КИОМК). – Запорожье, 1998.
75. *Прокофьев Р.В.* Курганы с камнем на правом берегу Северского Донца // Историко-археологические исследования в Азове и на Нижнем Дону. – Вып. 20. – Азов, 2004. – С. 240-326.
76. *Рассамкин Ю.Я., Отрощенко В.В., Пустовалов С.Ж., Ляшко С.Н., Салий Н.Г., Кравченко С.Н., Ковалев Н.В., Николова А.В.* Отчет о раскопках Запорожской экспедиции в 1982 г. // Научный архив ИА НАН Украины. – № 1982/2.
77. *Рогудеев В.В.* Поминальные курганы культуры многоваликовой керамики // Историко-археологические исследования в г. Азове и на Нижнем Дону в 1988 году: Тез. докл. к семинару. – Азов, 1989. – С. 73-77.
78. *Романовская М.А.* Работы Багаевского отряда // АО 1974 г. – М.: Наука, 1975. – С. 127-128.
79. *Самойленко Л.Г.* Общие черты в деталях погребального обряда у племен энеолита и бронзового века степной Украины // Проблемы исследования памятников археологии Северского Донца: Тез. докл. обл. научно-практич. конф. – Луганск, 1990. – С. 103-105.
80. *Санжаров С.Н.* О проблемах финальнокатакомбной культуры, культурогенезе КМК и покровских памятниках Северского Донца // Археология и древняя архитектура Левобережной Украины и смежных территорий. – Донецк, 2000. – С. 72-74.
81. *Санжаров С.Н.* Катакомбные культуры Северо-Восточного Приазовья. – Луганск: ВНУ, 2001. – 171 с.
82. *Смирнов А.М.* Курганы и катакомбы эпохи бронзы на Северском Донце. – М., 1996. – 182 с.
83. *Список памятников археологии Украины. Донецкая область / Сост. О.Я. Привалова, А.И. Привалов.* – К.: УООП, 1988. – 110 с.
84. Труды Новочеркасской археологической экспедиции / Сост. И.Н. Парусимов. – Вып.4. – Азов, 1999.
85. *Цимиданов В.В.* Триада срубных инсигний власти: место сложения // Эпоха бронзы и ранний железный век в истории племен южнорусских степей, Матер. междунар. науч. конф. – Саратов: Изд-во СГУ, 1997. – С. 86-88.
86. *Цимиданов В.В.* Астралаги в погребениях степных культур Восточной Европы эпохи поздней бронзы и раннего железа // Археологический альманах. – № 10. – Донецк, 2001. – С. 215-248.
87. *Цимиданов В.В., Чаур Н.А.* Погребения с астралагами срубной культурно-исторической общности // Древности Подонцовья. – Луганск: ОСИРИС, 1997. – С. 50-61.

88. Чердениченко Н.Н. Срубная культура // Культуры эпохи бронзы на территории Украины. – К.: Наук. думка, 1986. – С. 44-82.
89. Черных Е.Н., Авилова Л.И., Орловская Л.Б. Металлургические провинции и радиоуглеродная хронология. – М., 2000. – 95 с.
90. Черняков И.Т. Культура многоваликовой керамики – восточный ареал балкано-дунайского очага культурогенеза // Северо-Восточное Приазовье в системе евразийских древностей (энеолит – бронзовый век): Матер. междунар. конф.: В 2-х ч. – Донецк, 1996. – Ч.1. – С. 59-64.
91. Черняков И.Т., Тоцев Г.Н. Культурно-хронологические особенности курганных погребений эпохи бронзы Нижнего Дуная // Новые материалы по археологии Северо-Западного Причерноморья. – К.: Наук. думка, 1985. – С. 5-31.
92. Шаповалов Т.А. Периодизация эпохи бронзы бассейна Северского Донца (по материалам Ильичевского поселения): Рукопись дис. ... канд. ист. наук. – Киев, 1983. – 245 с. // ВНИИТИ. – № 0484.0 001023".
93. Шаповалов Т.О., Колесник О.В. Розкопки курганів у Донецькій області // АДУ в 1969 р. – Вип. IV. – Київ: Наук. думка, 1972. – С. 66-71.
94. Шарафутдинова Э.С. Погребения культуры многоваликовой керамики на Нижнем Дону (вопросы генезиса и периодизации) // Памятники бронзового и раннего железного веков Поднепровья. – Днепропетровск: Изд-во ДГУ, 1987. – С. 27-47.
95. Шарафутдинова Э.С. О восточной и северо-восточной границах распространения памятников бабинской культуры (КМК) // Северо-Восточное Приазовье в системе евразийских древностей (энеолит – бронзовый век): Матер. междунар. конф.: В 2-х ч. – Донецк, 1996. – Ч.1. – С. 56-59.
96. Klochko V.I. Radiocarbon chronology of the early and middle bronze age in the Middle Dnieper region. The Mironivka barrows // Baltic-Pontic Studies. – Vol.7: The foundations of radiocarbon chronology of cultures between the Vistula and Dnieper: 3150-1850 BC. – Poznac, 1999. – P. 163-195.
97. Szymt M., Chernyakov I.T. Radiocarbon chronology of "Akkiembetskiy kurgan". A preliminary report // Baltic-Pontic Studies. – Vol.7: The foundations of radiocarbon chronology of cultures between the Vistula and Dnieper: 3150-1850 BC. – Poznac, 1999. – P. 196-202.

Литвиненко Р.О.

ДНІПРО-ДОНСЬКА БАБІНСЬКА КУЛЬТУРА (джерела, ареал, поховальний обряд)

Стаття розпочинає серію публікацій, присвячених обґрунтуванню виділення Дніпро-Донської бабинської культури, як однієї з складових культурного кола Бабіне. Перша частина цієї серії містить загальну оцінку джерельної бази, визначення кордонів та характеристику поховального обряду дніпро-донських бабинських пам'яток і дає певні підстави для визначення цього феномену в якості самостійної археологічної культури, що займає період часу між катакомбною та зрубною добою.

Litvinenko R.A.

DNEPR-DON BABINE CULTURE (SOURCES, AREA, FUNERAL CEREMONY)

This article opens a series of the publications devoted to a substantiation of allocation Dnepr-Don Babine culture, as one of parts of Babine cultural circle. The first part of a series contains a general characteristic of sources, delimitation and the characteristic of kurgan burial grounds of Dnepr-Don Babine group. Submitted data give the certain bases for an identification of an investigated phenomenon as independent archeological culture which occupied a chronological interval between catacomb and timber-grave epoch that corresponds to period BA₁-BA₂ on a scale of chronology of Middle Europe (P. Reineke).